

2016

ВЫПУСК 14

ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

www.discourseanalysis.org

[СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС- АНАЛИЗ]

Дискурс воздействия: от философии к рекламе

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Выпуск 14, 2016

Электронный журнал

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, д.филос.н., зав. кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Полонский Андрей Васильевич, д.филол.н., проф. кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Русакова Ольга Фредовна, д. полит.н., проф., зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург)

Синельникова Лара Николаевна, д.филол.н., проф. кафедры русского языка, теории и истории литературы Крымского гуманитарного университета (г. Ялта)

Пастухов Александр Гаврилович, к.филол.н., зав. кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры (г. Орёл)

Дубровская Татьяна Викторовна, д.филол.н., зав. кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Переверзев Егор Викторович, к.филос.н. (г. Шанхай, Китай)

Аматов Александр Михайлович, д.филол.н., проф. кафедры английского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Борисов Сергей Николаевич, д.филос.н., проф. кафедры философии и истории науки БелГИИК (г. Белгород)

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра фундаментальной социологии ИГИТИ Высшей школы экономики (г. Москва)

Тягунова Татьяна Васильевна – университет Галле-Виттенберг (г. Галле, Германия).

**Центр коммуникативных и медийных исследований
«Медиаперспектива»**

Белгородского государственного национального исследовательского университета

Контакты:

e.a.kozhemyakin@gmail.com (Кожемякин Е.А.),

egorpereverzev@gmail.com (Переверзев Е.В.).

Web-сайт журнала: www.discourseanalysis.org

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН ЖИЛЕНКОВ **ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС А. КОЖЕВА:
ЛОГИКА НАСИЛИЯ / НАСИЛИЕ ЛОГИКИ** 4

ВАЛЕРИЙ МЕРИНОВ **ПСЕВДОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В
СОВЕТСКОМ ТОТАЛИТАРНОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) ДИСКУРСЕ** 12

ИЛЬЯ КРУГЛОВ **ФУТУРИЗМ КАК АВАНГАРД ТОТАЛИТАРНОГО
ИСКУССТВА** 20

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ **КИТАЙ: РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В
ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ** 28

АЛИНА ПОТАПОВА **РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ПРЕДВЫБОРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ:
СТРАТЕГИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ**
(на примере избирательной кампании партии «Гражданская платформа» 2015 г. в
Белгородской области) 36

НАТАЛЬЯ КУШАКОВА **SMS-ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ** 44

ИВАН ЖИЛЕНКОВ

new_paradox@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС А. КОЖЕВА: ЛОГИКА НАСИЛИЯ / НАСИЛИЕ ЛОГИКИ

Тема соотношения власти и знания, взаимосвязи порождаемого властью насилия и насилия теоретического достаточно полно отрефлексирована современной гуманитарной мыслью (в том числе, в работах М. Фуко). В контексте данной темы представляется актуальным обращение к фигуре русско-французского философа и государственного деятеля Александра Кожева (А.В. Кожевникова, 1902-1968). Как философ Кожев известен, главным образом, своими семинарами по философии Гегеля, которые он вёл в Париже с 1934 по 1939 годы. Предложенная Кожевом интерпретация гегелевской «Феноменологии духа» примечательна, помимо прочего, тем, что является философским комментарием не только и не столько к произведению Гегеля, сколько к своему времени – по выражению А.М. Руткевича, «*времени революций, гражданских войн и тоталитарных диктатур*» (Руткевич, 2010: 487).

Сам дискурс кожевской философии может рассматриваться как тоталитарный – как дискурс насилия, но насилия теоретического, в свою очередь оправдывающего и обосновывающего реальное историческое (политическое) насилие, особо практиковавшееся тоталитарными диктатурами 1920-30-х годов.

Жёсткая логика кожевского мышления уже подразумевает определённый сценарий, или сюжет, с заранее известным финалом. Речь идёт о диалектической логике, которую Кожев в своих лекциях использовал в качестве риторического приёма. Так, все его умозаключения строятся по принципу диалектической триады, однако отражают не реальное «диалектическое противоречие» (якобы присущее реальности), а некие противоречия дискурсивного, то есть речевого характера. В качестве примера приведем фрагмент одной из лекций Кожева (курс 1937-1938 учебного года): «*Преобразованная Трудом Раба Природа служит Господину, которому, в свой черёд, нет нужды служить ей. ... жизнь Господина может быть полностью отдана войне: он воюет, но не трудится. Что касается Раба, то вся его жизнь – это Труд (Arbeit) на Службе (Dienst) у Господина. Он трудится, но не воюет*» (Кожев, 2003: 217).

В данном фрагменте противопоставлены «позиции» раба и господина в их отношении к окружающему миру («Природе»), которое является либо свободным (у «Господина»), либо подчинённым (у «Раба»). Это отношение определяет и соответствующее действие: или война (ведущаяся господином), или (рабский) труд. Подобный подход оперирует диалектикой в риторических, а не исследовательских целях. По сути, реальное исследование заменяется здесь изложением материала, осуществляемым по заранее заданной квази-диалектической схеме. Иначе говоря, у Кожева имеет место редукция реальных

(философских) проблем к «проблемам» дискурсивным, или речевым, стилистическая («диалектическая») проработка которых и составляет суть применяемого Кожевом «метода».

Несмотря на то, что подобный метод мышления можно назвать игровым, Кожев использовал такие умозрительные положения для анализа современной ему исторической ситуации. Так, принимая в качестве «исходных посылок» ряд положений, Кожев делает из них «дедуктивные» выводы, которые далее «диалектически» развивает. Самым известным из таких положений является понимание Кожевом феномена истории, выведенное им из гегелевской логической апории (получившей интерпретацию в курсе А. Койре по религиозной философии Гегеля, слушателем которого в конце 1920-х гг. был Кожев). Исходя из логического соотношения понятий «времени» и «вечности», Кожев констатирует не только временной (то есть противоположной вечности) характер исторического процесса, но и настаивает на его «конечности», поскольку, при подобном подходе, то, что не является «вечным», по определению имеет временной конец.

В последствии Кожев переносит такое, основанное на логическом анализе понятий представление об истории на исторический процесс как таковой, результатом чего является указанная идея «конца истории». В соответствии с этой идеей Кожев схематизирует реальную историю европейской политики и культуры и делит её на «диалектически» взаимосвязанные этапы (один из которых оказывается «финальным»). При этом содержанием подобной абстрактной схемы становится анализ типовых антропологических «фигур», репрезентирующих ключевые познавательные и деятельностные установки, характерные для того или иного историко-диалектического этапа.

Результатом принятых Кожевом допущений становится следующая схема исторического процесса. Первый его этап – это так называемая естественная история, включающая в себя всю эволюцию неорганического и органического мира до появления человека (как социального существа). С точки зрения Кожева, этот этап длится по сути «вечно», поскольку в сравнении с кратковременным периодом существования человеческой цивилизации его длительность может считаться неограниченной. Далее, с появлением человека и развитием его общественной жизни, начинается новый, собственно «исторический» этап, для Кожева связанный, прежде всего, с социально-политической историей. Иными словами, это история цивилизации, насчитывающая около 6000 лет.

Проблемой при таком подходе оказывается поиск «точки отсчёта», с которой начинается история как таковая. Кожев не даёт точного ответа на этот вопрос, и также не обращается к истории первых цивилизаций. Кроме того, он не рассматривает первобытный («доисторический») период развития человечества, насчитывающий несколько десятков тысяч лет. Однако с его точки зрения данный подход можно считать оправданным, поскольку даже в буквальном смысле доисторический период является своего рода «предисторией», и его реальная длительность может не приниматься во внимание. По Кожеву, первобытное состояние человека – это состояние «естественное», пребывая в котором он ещё не вполне выделяет себя из

окружающего природного мира.

Кожев, неоднократно ссылаясь на Маркса и в целом признавая определяющую роль труда в происхождении человека, тем не менее не предлагает развёрнутой и научной концепции антропогенеза. В качестве своего рода метафоры, объясняющей возникновение человека как отличающегося от животного существа, Кожев использует гегелевскую диалектику раба и господина, однако совсем не в том смысле, какой придавал этому моменту Гегель. У Гегеля диалектика раба и господина является «вневременной» и объясняет самосознание человека как такового, безотносительно той или иной эпохи. (Напомним, что анализу этой диалектики посвящён подраздел А IV главы «Феноменологии духа», имеющий заголовок «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство»).

В отличие от Гегеля, Кожев рассматривает диалектику раба и господина как антропогенное событие, в результате которого появляется человек как таковой; причём наличие одновременно двух «ипостасей» призвано говорить здесь о социальности как неотъемлемой характеристике человеческого мира. В связи с этим Кожев пишет: «Человек может появиться на земле только в стаде. II потому человеческая реальность может быть только общественной» (Кожев, 2003: 14). Иными словами, в трактовке Кожева указанная диалектика приобретает черты «некоей мифической доисторической схватки» (Чубаров, 2001: 395), метафорически изображающей появление человека как сознательного и самосознающего существа.

Кроме того, Кожев использует эту интерпретацию диалектики раба и господина в качестве исходного пункта своего комментария к «Феноменологии духа», а также – как основание развиваемой в рамках этого комментария антропологической концепции. Отталкиваясь от диалектического противопоставления фигур (или даже понятий) раба и господина, Кожев формулирует ряд концептов, выступающих в качестве определяющих характеристик человеческого бытия, а именно: желание, признание, риск, страх смерти, борьба, труд, речь. Образующие между этими концептами системы отношений составляют каркас философско-антропологической концепции Кожева, в которой он показывает диалектическое развитие человека как борющегося, трудящегося и разговаривающего (об окружающем мире и своём бытии в нём) существа.

В философской антропологии Кожева все основные феномены человеческого бытия фундируются идеей негативности, соотносимой на «онтологическом» уровне с категорией небытия (ничто). В своём комментарии к «Феноменологии духа» Кожев формулирует близкую к экзистенциализму антропологическую концепцию, в которой человек – в силу присущей ему способности к отрицанию (или негации) «налично данного» – предстаёт не только как конечное, но ещё и как свободное существо. Свобода в такой трактовке понимается в первую очередь как отрицающая-преобразующая деятельность, основными формами которой являются труд и борьба. Таким образом, для Кожева история в собственном смысле слова – это процесс «освобождения» человека от окружающего природного мира (посредством труда)

и от гнёта неудовлетворительных социальных условий (посредством борьбы).

Основными человеческими типами, или антропологическими фигурами оказываются господин и раб, диалектика взаимоотношений между которыми как раз и является содержанием так понятого исторического процесса. Но после (и в результате) «конца истории» эти типы «исчезают», поскольку негативность – главный движущий принцип истории человечества – исчерпывается в связи с появлением пост-революционного всеобщего и однородного государства, представленного империей Наполеона. Как считает Кожев, благодаря Великой французской революции возникает новый антропологический тип, объединяющий (синтезирующий) экзистенциальные возможности раба и господина – гражданин. И первыми такими «гражданами» были как раз «рабочие-солдаты» наполеоновских армий, то есть избавившиеся от рабства бывшие рабы, способные как трудиться, так и воевать (что ранее было прерогативой господина).

Но гражданин, логически и исторически «первым» из которых был сам Наполеон, – это фигура, завершающая историю. Соответственно, человек достигает здесь своего антропологического максимума. Речь идёт об одновременном завершении связанных друг с другом истории политической и антропологической. Первая становится возможной в связи с начатым Наполеоном воплощением проекта всемирной Империи, основывающейся на демократических ценностях Французской революции 1789 года (выраженных в лозунге «Liberté, Égalité, Fraternité»).

Данный этап, на котором господин и раб уступают место гражданину, является своего рода промежутком между предшествующей ему «историей» и последующей «пост-историей». В реальной истории условное соответствие этому периоду можно найти в межвоенной эпохе 1920–30-х гг., когда Кожев как раз и читал свои лекции по Гегелю. Как отмечает А. М. Руткевич, в фигуре гражданина, которого Кожев определяет как работника и солдата одновременно, можно обнаружить черты «гештальта Рабочего», описанного немецким консервативным мыслителем Э. Юнгером в эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (Руткевич, 2006: 32).

Однако, после того, как тоталитарные государства перестали быть актуальной политической реальностью, то есть после Второй мировой войны, перестаёт быть актуальной и фигура гражданина, с уходом которой, по Кожеву, исчерпываются и все возможные «экзистенциальные» позиции человека в истории. Кожев предвидел или, скорее, распознал новую тенденцию, связанную с возникновением так называемого «общества потребления», в котором политическое признание имеет гораздо меньшее значение по сравнению с экономическими благами, доступными члену этого общества. В результате появляется «пост-человек», основной функцией которого становится потребление произведённых индустриальным обществом товаров и услуг. Поскольку Кожев связывает воедино собственно историю человека, или антропологию и историю политическую, или историю государства, то и событие «конца истории» является одновременно и антропологическим, и политическим по своему значению. Вместе с тем «конец истории» означает и «конец человека», и «конец политики».

Таким образом, основываясь на чисто умозрительной логике, Кожев предлагает достаточно парадоксальное описание историко-политической реальности межвоенного периода истории Европы. Однако, сам Кожев, судя по всему, разделял, подобно Гегелю, идею финального, окончательного состояния, завершающего политическую, экономическую и культурную эволюцию. Более того, его слушатели также находились под впечатлением от идеи «конца истории», и некоторые из них стали авторами ее различных интерпретаций (например, Р. Арон, Ж. Батай, Р. Кено). Позже эта идея была развита американским неоконсерватором Ф. Фукуямой, в концепции которого историко-политический процесс завершается всемирным торжеством либеральной идеологии.

В своей дискурсивной практике Кожев, видимо намеренно, подвергает слушателя воздействию своего рода «пропаганды», которую можно рассматривать в качестве теоретического аналога реального политического насилия, являвшегося «практическим приложением» той или иной идеологии, о которой говорил Кожев. Так, Жорж Батай оставил достаточно эмоциональное описание своего опыта посещения лекций Кожева: «... сколько раз Кено и я выходили задыхающимися из маленькой аудитории – задыхающимися, прибитыми. ... лекции Кожева меня разбили, довели до изнеможения, просто уничтожили» (Олье, 2004: 105). С другой стороны, имеются воспоминания современников Кожева, судя по которым он сам всерьез воспринимал только тех оппонентов, которые могли «противостоять его «педагогической пропаганде», построенной на продуманных преувеличениях и гиперболах» (Новак, 2015: 185). П. Новак приводит еще одно показательное в данном отношении замечание о Кожеве: «Развлекался же он в основном тем, что подчинял себе окружающих» (Новак, 2015: 197).

Исходя из сказанного можно заключить, что философский дискурс Кожева был в равной степени порождением его личности, основной темы размышлений (соотношение истории и философии) и историко-политической ситуации, в которой он находился. Авторская позиция Кожева – это позиция комментатора, или наблюдателя. Он как человек своего времени до определенного момента не вмешивается в «ход истории»; можно сказать, что Кожев оправдывает или принимает (по-философски) все те «негуманные» стороны тоталитарных режимов, которые его современники активно критиковали (репрессии, порой безосновательные, подавление личной свободы и прочее). Все, что имеет место в истории, Кожев оправдывает диалектикой: если какое-то событие произошло, то его историческая ограниченность (или ложность) представляет собой лишь частный случай в общей исторической тотальности и в «будущем» будет «искуплена» (то есть диалектически снята). Соответственно, все события, слепо принимаемые современниками за «ужасы» и следствия исторического прогресса, есть лишь преходящий момент в исторической эволюции.

Более того, темы страха смерти и смертельного ужаса, перенятые Кожевом из философии М. Хайдеггера (Angst), становятся одним из оснований кожевской антропологии. По Кожеву, лишь через насилие преодолевая животную привязанность к жизни, человекоподобное существо становится подлинным

человеком, борясь не просто за выживание, но за власть над другим. Можно сказать, что для Кожева насилие является одним из ключевых модусов человеческого бытия, причем неустрашимым: «...благодаря Террору-Ужасу Человек догадывается о том, что он такое на самом деле, на самом деле он – ничто» (Кожев, 2003: 183). В подтверждение «диктаторских» и «антидемократических» симпатий Кожева также можно привести его замечание о необходимости террора и смертной казни как «методов воздействия» на политиков, так как «следует создать искусственную “опасность для жизни” для главы государства или членов его правительства», что позволяло бы «избавляться от опасности “утопизма” законодателя» (Кожев, 2004: 123-124). В качестве исторических примеров таких «методов» Кожев приводит террор Робеспьера, сталинские «процессы» и гитлеровскую «Ночь длинных ножей».

В добавление к этому, показательны те «моральные приложения», которые Кожев выводит из развиваемой им концепции власти в работе «Понятие власти» (1942). Применительно к власти, мораль, как понимает её Кожев, – это «совокупность правил, которым должны подчиняться индивидуальное и коллективное поведение человеческих существ, чтобы суметь стать “носителем” Власти» (Кожев, 2004: 140). Противопоставляя в ницшеанском духе мораль господ и рабов, Кожев объясняет факт отсутствия теории властной морали тем, что христианская «буржуазная» мораль является по своему происхождению «рабской» и поэтому больше соответствует поведению «людей, подчиняющихся Власти, нежели тех, кто её осуществляет» (Кожев, 2004: 141). Такое понимание морали, разумеется, имеет отношение не столько к этике, сколько к технике управления, к сфере «политического менеджмента». В этом смысле Кожева, пожалуй, можно было бы назвать «макиавеллистом», так как, по его мнению, нравственные критерии не применимы к области власти, в которой действует особая «мораль», основанная на идее эффективности властного действия. В «макиавеллизме» Кожева также обвинял и его оппонент Лео Штраус (Руткевич, 1998: 86).

Закономерным следствием подобного понимания морали являются выводимые Кожевом «психологические приложения». Говоря о психологии подчинения власти, Кожев настаивает на необходимости пропаганды, или «рациональной демагогии», под которой он подразумевает «политическое воспитание народа». Впрочем, он поясняет, что эта демагогическая пропаганда понимается им «не в пренебрежительном смысле слова» (Кожев, 2004: 144-145); её функция сводится к составлению у подчиняющихся корректного представления о власти.

Можно сделать вывод, что на дискурсивном уровне насилие отражает диалектическая логика, в том виде, как ее понимает Кожев. С другой стороны, логика была для Кожева инструментом демагогии; будучи «софистом», Кожев не заботился о фундаментальной «истинности» своих рассуждений, ограничиваясь лишь их формальной «корректностью». Возможно, что «проповедь» насилия (и здесь неслучайны религиозные коннотации) была для Кожева инструментом политического влияния. Таким образом, философский и политический дискурсы переплетались в коммуникативной («педагогической») практике Кожева. Причём приоритет в данном случае можно отдать политике как

программной и целевой доминанте указанной практики, для которой философия являлась своего рода «формальной причиной».

Задачей будущего исследования является анализ риторической составляющей дискурсивной практики Кожева, выявление имплицитных этой практике стратегий и методов, установление соотношения в них собственно философского и политического элементов (то есть дискурсов об истине и о насилии).

Например, рассматривая политический элемент указанного дискурса, необходимо охарактеризовать политические взгляды А. Кожева. Однако это представляется затруднительным по ряду обстоятельств. Во-первых, это связано с тем, что в своих теоретических работах Кожев выражал не личные политические предпочтения, а рассматривал возможные политические следствия тех или иных теоретических ситуаций, прямо не связанных с реальностью. Одной из таких ситуаций можно назвать идею «конца истории», задающую главный вектор кожевского мышления, в том числе и политического.

С другой стороны, как в теоретических работах, так и в своей политико-административной деятельности (после 1945 года) Кожев оперировал политической риторикой различных типов, что также затрудняет идентификацию его политической позиции. Например, говоря о проблемах современного ему колониализма, Кожев обращается к марксистской риторике, а в тексте проекта «Латинской империи» он оперирует риторикой прогосударственной (профранцузской).

Данные обстоятельства указывают на то, что при характеристике политических взглядов Кожева следует опираться не на его высказывания (как теоретические, так и практико-ориентированные), а на другие факты, имеющие отношение скорее к конкретной политической реальности, а не к её теоретической репрезентации. Однако и в этом случае трудно получить однозначный ответ.

Так, в качестве надёжного параметра не может рассматриваться близость Кожева тем или иным политическим группам, поскольку в разные периоды его деятельности варьировались и степень близости, и сами эти группы. В 1920-е годы Кожев был близок к левым евразийцам (и хорошо знаком с Л. Карсавин), в 1930-е сотрудничал с левоориентированными и прокоммунистически настроенными французскими интеллектуалами (Батай, Бретон), хотя это сотрудничество и не имело политического значения. (Кожев не принимал участия в деятельности политической группы «Контратака», основанной Андре Бретоном в 1935 году и объединившей французских интеллектуалов-антифашистов, главным образом из среды сюрреалистов).

Если речь идёт о политической картине Франции 1930-х годов, можно констатировать её биполярность, определяемую с одной стороны левыми политическими силами, при всём их многообразии, а с другой – правыми, по большей части сводимыми к вариациям монархистской, фашистской и националистической идеологий. Соответственно, неприятие одного из этих полюсов могло означать симпатию к противоположному. В случае Кожева в период с 1930-х до середины 1940-х гг. условно можно говорить о его тяготении

к полюсу левых сил, учитывая, например, его положительную оценку деятельности Сталина, а также факт участия в движении Сопротивления.

С середины 1940-х годов Кожев становится чиновником в правительстве де Голля. Несмотря на то, что доминирует здесь левый политический фон, Кожев критически относился к коммунистической идеологии (и в частности к её советской форме).

Кроме того, Кожев был близок и к некоторым правым (консервативным) мыслителям, таким как Лео Штраус и Карл Шмитт. А.М. Руткевич отмечает также сходство концепции «пост-истории» Кожева с некоторыми идеями деятелей немецкой консервативной революции – Э. Юнгера, Х. Фрайера и Э. Никиша (идеолога национал-большевизма). Добавим, что в «Понятии власти» Кожева один из параграфов посвящён анализу возможности национальной революции во Франции (в 1942 году).

Таким образом, основываясь только на политических взглядах, теоретически репрезентированных в текстах, а также на некоторых биографических деталях, нельзя делать однозначного вывода о той или иной политической позиции Кожева. Говорить здесь можно лишь о политических предпочтениях, хотя и достаточно условно, учитывая в том числе исторический контекст, во многом определяющий саму возможность этих предпочтений (и высказывания о них).

Список литературы:

- Кожев А.* Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публ. Р. Кено; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
- Кожев А.* Понятие власти / Пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2006. 192 с.
- Коллеж социологии 1937-1939 / Сост. Д. Олье. СПб.: Наука, 2004. 588 с.
- Новак П.* Правители и философы (введение в чтение Кожева) // Вопросы философии. 2015. № 10. С.181–201.
- Руткевич А.М.* Введение в чтение А. Кожева // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 476-487.
- Руткевич А.М.* А. Кожев и Л. Штраус: спор о тирании // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 79-92.
- Руткевич А.М.* Предисловие // Кожев А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2006. С. 7-44.
- Чубаров И.* Операция признания в биографии (опыт биографического анализа отрывка «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля о «господстве и рабстве») // Авто-биография. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии №1. М.: Логос, 2001. С. 387-412.

Иван Александрович Жиленков – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

ВАЛЕРИЙ МЕРИНОВ

merinov@bsu.edu.ru

ПСЕВДОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВЕТСКОМ ТОТАЛИТАРНОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) ДИСКУРСЕ

XX век - век становления многих тоталитарных государств. В СССР, Германии, Италии, Китае, Северной Корее, Кубе и др. странах пришли к власти крайне левые и крайне правые политические силы. Они предложили своим народам два базовых проекта тоталитарного государства. Эволюцию тоталитарных режимов можно представить как смену основных репрессивных стратегий. Первый период - это, как правило, силовой захват (с помощью вооруженных отрядов «Красной гвардии», итальянских «чернорубашечников», штурмовиков СА и т.п.), удержание власти и, возможно, гражданская война. Он связан с созданием «щита и меча партии» - карательных органов внутренних дел: ЧК, ГПУ, НКВД (СССР), Гестапо (Третий Рейх), Штази (ГДР), Секуритате (Румыния) и т.д. Эти структуры применяют прямое насилие к своим политическим оппонентам: массовые расстрелы, лишения свободы, высылки за пределы страны, пытки, угрозы физической расправы.

Второй этап, характеризуется некоторым отходом от практики прямых репрессий, при остающейся важности этой компоненты и ежеминутной возможности её возвращения в период тоталитарного «обострения» (коллективизация, 1937 год, «окончательное решение еврейского вопроса» и др.). На первый план выходят более тонкие и гибкие репрессивные инструменты – контрольно-административный и пропагандистско-идеологический. Как правило, основы для этого перехода закладываются еще в первый период. Устраняются не только яркие оппозиционные политики, но и ликвидируется сама многопартийная система. Сначала громятся редакции газет, а затем законодательно оформляется уничтожение оппозиционных партий и независимых от власти СМИ.

Особенностью тоталитарного политического дискурса было то, что он значительно расходился с политической, бытовой, экономической и другими типами реальности. Тем не менее, у каждой из моделей (правой и левой) были свои специфические взаимоотношения *слова* и *реальности*. Так в правом варианте тоталитаризма зазор между семантической составляющей и действительностью был гораздо уже, чем в левой версии. Такой ситуации способствовали вполне объективные причины. Идейное обеспечение нового государства давали теории «третьего пути», «консервативной революции» (Ж. Сорель, Р. Генон, А. Мёллер

ван ден Брук, Э. Юнгер, Х. Фрайер и др.) и близкие к ним теории «заката Европы» (Р. Генон, О. Шпенглер), «геополитики» (К. Хаусхофер), «нордизма» (Ж. Гобино), «пангерманизма», с опорой на фундаментальные великодержавные и этатистско-традиционалистские установки, антисемитизм, расовые, консервативные, шовинистические и националистические идеи. Большая часть общества была оскорблена и унижена поражением в Первой мировой войне и желала реванша. Не имело смысла таить многие вещи. К примеру, там никогда не скрывался авторитарный (принцип вождизма) или корпоративный характер власти, сословно-солидаристские принципы устройства общества. Открыто провозглашался отказ от современного правоведения (К. Шмидт), утверждалось право на революционную расправу. Публиковались списки книг неудобных писателей и философов с «антинемецким» содержанием подлежащих уничтожению. Демонстративно в присутствии зрителей и представителей СМИ книги сжигались. Не скрывался сегрегационный характер общества. Открыто культивировалась расовая и национальная агрессия и нетерпимость. С высоких трибун провозглашался курс на «расовую гигиену». Также четко прочерчивалась линия общественного «движения» вспять, установка на отказ от общественного прогресса и возврат, вернее, реконструкцию светлых времен мифологического (допросвещенческого) прошлого. В программных заявлениях и публикациях (к примеру, «Майн Кампф» А. Гитлера) намечались агрессивные планы в отношении чуждых («недоразвитых») народов и цивилизаций. Обозначались перспективы оккупации других стран, входивших в зону т.н. «жизненного пространства». Соответственно, шла открытая подготовка экономики и общественного мнения к захватнической войне, милитаризация сознания. Таким образом, национал-социалистический и фашистский политические дискурсы, в целом, отражали тоталитарную политическую теорию и практику.

В Советском Союзе, как и в других странах крайне левого выбора, ситуация была несколько иная. Здесь расхождение слова и реальности было куда более значительно и, в конце концов, повлекло за собой фатальные последствия для государства, а еще раньше – для общественной нравственности. Советская Россия объявила себя самой прогрессивной страной мира. И, как самая передовая, в перспективе, она должна была объединить все государства мира, предложив привлекательную, обладающую поистине магнетическим потенциалом модель настоящего и будущего. За время существования СССР было опробовано несколько накладывающихся друг на друга идеологических моделей-образов нового мирового коммунистического Ковчега.

Первая, Советская Россия - страна победившего пролетариата и равенства (правового и материального) граждан (здесь отсутствует «эксплуатация человека человеком», нет и самого эксплуататора - капиталиста), страна настоящей народной демократии. Вторая, Новая Россия – живой пример равноправия и «дружбы народов», прообраз мирового союза народов. Во второй половине 1940-х гг. к этому образу добавляется еще один элемент – «*Великий русский народ*», «*старший брат*» - воплощение лучших черт человечества. Он, во главе со своим вождем, шествует в авангарде прогресса к построению коммунизма. Последняя корректировка курса обозначила новую направленность, с четко выраженным

«поправлением» советской тоталитарной системы.

Тем не менее, советский политический дискурс был левый, рожденный в недрах европейских социал-демократического и коммунистического движений. Левый политический дискурс – это дискурс, строящийся вокруг главных концептов - *социальная справедливость* и *народовластие*. Демократическая традиция искалась повсюду, в том числе и в прошлом. Так, в СССР в культурном строительстве на вооружение бралась ленинская теория «двух культур». Культура (отечественная и мировая) предстала двуликим Янусом. С одной стороны, защитники старого монархического, феодального строя ретрограды и консерваторы, с другой, прогрессивные люди всего человечества, приверженцы свободы и демократии (еретики, ученые, деятели революционно-демократического движения, декабристы, Французская революция, писатели-демократы, деятели культуры народно-демократической ориентации и т.д.).

Эта преемственность закреплялась и в советской политической, научной, государственно-правовой терминологии. СССР предстал как вершинное достижение в создании истинной демократии. Заметим, демократические принципы организации общества (субъектность (активность) социального низа, свободное волеизъявление, политическая активность и т.п.) и тоталитарная реальность (сверхорганизация и тотальный контроль политического верха над всеми сферами жизни как цель и смысл тоталитарного государственного устройства) немедленно пришли в противоречие. Это потребовало прямых репрессий с самого начала существования советских политических структур.

Неслучайным выглядит тот факт, что у истоков создания советского государства лежали несколько знаковых событий и законодательных актов, направленных на уничтожение именно демократических институтов. Одним из первых декретов новой власти стал Декрет о печати 27 октября (9 ноября) 1917 года, по сути, объявивший вне закона всю небольшевистскую («буржуазную») прессу. Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 года форсировал уничтожение демократической судебной системы. Учреждались революционные трибуналы. С 7 (20) декабря 1917 года основным орудием красного террора стала ВЧК с неограниченными репрессивными полномочиями. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции 28 ноября (11 декабря) 1917 года объявил вне закона партию кадетов и фактически ввел запрет политических партий и политической деятельности как таковой. Разгон в январе 1918 года «Учредительного собрания», представлявшего собой демократический выборный орган, созданный на основе свободных выборов ноября 1917 года, завершал начальный период становления советского варианта тоталитаризма. Политические выборы отменялись.

Дефицит демократической легитимности тоталитарной власти требовал уделять особое внимание политическому дискурсу. Советский дискурс был нарочито демократическим, тем самым, сбивая с толку не только иностранцев, но и собственных граждан, рождённых внутри этого лексического тумана. Советский человек был погружен в фиктивный мир легитимизирующих большевиков мнимостей, не просто искажавших реальность, а, по сути, её замещавших. Обман, спектакль – цель и содержание жизни советского мира – выдает в советском строе

один из самых циничных и бесчеловечных режимов, ориентированных не на реальность живого человека (прежде всего на его боль и страдания), а на нечто фантомное – идеологическое нормативное **СЛОВО** (варианты: образ, картинку, музыку, нормативную псевдореальность). Это был режим перманентной информационной войны, развязанной большевиками и против собственного народа, и против всего цивилизованного мира. Кстати, эта особенность не укрылась от внимания современников. Её увидели и изобличили М.А. Булгаков («Белая Гвардия»), и В.В. Набоков («Приглашение на казнь»), И.С. Шмелёв («Солнце мертвых») и И.А. Бунин («Окаянные дни»). Эти и другие авторы пронизательно показали, как новое лживое, тоталитарное слово ведет конкретного живого человека к расчеловечиванию (нравственной деградации), а, в конечном счёте, и к смерти. Так, к примеру, в «Окаянных днях» И.А. Бунина большевистский вождь разоблачается автором «... как лженаследник, подложный царь, выскочка, самозванец ... верховный лжец, который под «издевательской вывеской: «Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм!», крепко «усевшись на шею народа», готовит ему «новое рабство» (Бунин, 1999: 154).

Но это только одна сторона вопроса, другая – состояние общественного сознания и морали, подвергнутого обработке разрушенного «больного» слова. Результатом этой бомбардировки, становится укоренённый «... социальный стереотип, мифологизующий и развращающий сознание социальных низов, программирующий деструктивную, в полярных категориях, реакцию на мир. На одном его полюсе расположились «обыватель», «поп», «буржуй», «деспот», «царский опричник», «сгнивший трон Романовых», на другом – «павший борец», «освободительное движение», «свет социализма» и сам русский «народ-богоносец». ... пустое мёртвое слово убивает живое: «лжи столько, что задохнуться можно ... лгут теперь на каждом шагу» (Бунин, 1999: 106)... Последствия лжи оказываются губительны для страны. Сфера индивидуального и социального сознания предельно уменьшается: «Да, повальное сумасшествие. Что в голове у народа?» (Бунин, 1999: 140)» (Меринов, 2007: 144-150).

И.А. Бунин непосредственно столкнулся только с начальным этапом строительства левого тоталитаризма. В дальнейшем, по мере выстраивания государственных структур, область применения псевдодемократической лексики только расширялась, охватывая новые и новые сферы (государственно-правовую, военную, искусство, гуманитарную науку, журналистику и т.д.). Анализируя советскую эпоху, мы погружаемся в мир обманчивых представлений и лживых самоназваний.

Псевдодемократическая лексика утвердилась в самом названии государства «победившего социализма» - СССР. Оно носило явно демонстративный характер. Каждое из слов подчеркивало демократическую сущность нового государства, хотя на самом деле представляло собой попытку скрыть настоящую реальность. Так, можно поставить под сомнение саму «советскость» Советского Союза. Советы были элементом в системе представительной власти. Однако, во властных взаимоотношениях с самого своего основания они играли явно подчинённую роль, являлись инструментом т.н. «диктатуры пролетариата». Всей полнотой власти обладала только коммунистическая партия (точнее, её верхушка – Политбюро, ближний круг вождя и сам вождь), установившая партийно-

властную монополию. Тем самым, советы как органы народоправия, оказались ширмой для деятельности партии. Такой же ширмой стали и термины «диктатура пролетариата», «первое в мире государство рабочих и крестьян», прикрывавшие фактическую диктатуру одной партии.

Советский Союз никогда не был настоящим «союзом» народов. Союз предполагает добровольное согласие на вступление в организацию. Многие «республики» и национальные окраины вошли в состав будущего СССР в ходе гражданской войны. Украина, Грузия, Армения, Азербайджан уже обладали к моменту их «вступления» в состав большевистской России государственными (протогосударственными) структурами (См. Арутюнов). Многочисленные документы свидетельствуют о планах большевиков, которые в разных ценностно-дискурсивных практиках могут звучать по-разному, например, в рамках имперско-националистической (государственнической) традиции как «восстановление исторических границ великой России», а в национально-освободительных терминах – как «вооруженный захват», «оккупация», «аннексия» независимых государств. Так, к примеру, в политическом отчете Центрального Комитета на VII экстренном съезде РКП(б) 7 марта 1918 года Ленин, в частности, заявил, что нынешнее военно-политическое положение позволяет организовать «триумфальное шествие» революции не только в Европейской России, но и «... перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию» (Ленин, 1969: 9). Ясно, по крайней мере, одно: надежные демократические процедуры, легитимизирующие добровольное вхождение некоторых «республик» в новое государство, отсутствовали. Позже, в конце 1930 - нач. 40-х гг., присоединение новых территорий (Бессарабии и Северной Буковины, части Западной Украины и Белоруссии, а также восточной Польши), по соглашению Молотова-Риббентропа получают наименования «воссоединение», «освобождение» и «освободительный поход Красной армии».

Также трудно назвать СССР «социалистическим» государством. Социализм, как учение и политический строй, имеет множество определений и форм (утопическая (Г. Кампанелла), марксистская, социал-демократическая и т.д.). Однако несколько идей являются для них интегральными: равенство, социальная справедливость, свобода. Сама этимология лексемы *социализм* (от латинского слова *socialis* - общественный) – выдает в ней особое значение общества, предполагает субъектность социума, его широкие права. В нашем случае общество фактически было отстранено от принятия решений, от его имени говорила всё та же всемогущая Партия и её Вождь.

Входили ли в состав СССР «республики»? На наш взгляд, национальные образования, составившие тело Советского государства, называть «республиками» также не вполне корректно. «РЕСПУБЛИКА (лат. *res/publica* от *res* - дело, *publicus* - общественный) - форма государственного правления, при которой все высшие органы власти либо избираются, либо формируются общенациональными представительными учреждениями (парламентами), а граждане обладают личными и политическими правами» (См.: Сухарев, Крутских). Республиканский строй предполагает честные и справедливые выборы власти, наличие реальных демократических республиканских институтов (парламента). Всего этого в СССР просто не

существовало. Таким образом, СССР не был ни «*союзом*», ни «*советским*», ни «*социалистическим*», ни «*республикой*». К слову, по этому же принципу получали свои наименования и другие тоталитарные «страны народной демократии», охотно включавшие в название государства термины «*демократическая*», «*социалистическая*», «*народная*», «*республика*»: КНДР (Северная Корея), КНР (Китай), ГДР (Восточная Германия), СФРЮ (Югославия) и т.д.). Некоторые остаются и поныне, во главе с «*Президентом*» (КНДР).

Такая же судьба постигла и политический термин «*выборы*». Советские граждане часто ходили на т.н. «выборы». Они переживали это событие как праздник. Хотя, думается, поводов радоваться было мало. Ведь «выборы», после разгона Учредительного собрания и прекращения политической жизни в стране, лишались всякого смысла и практически превратились в «голосование» за единственного кандидата. Борьба мнений, столкновение точек зрения, предвыборных программ на страницах СМИ, а также другие атрибуты политического единорства остались в «проклятом прошлом», исчезли вместе с «*миром капитала*». Единственной и фундаментальной точкой «*выбора народа*» признавалась только Октябрьская революция, раз и навсегда, по мнению большевиков, определившая политические предпочтения граждан. Революция при этом предстала как бесконечно делящаяся во времени и пространстве. Поэтому, ситуация политического выбора была крайне популярна в советском искусстве. Сцена выбора, погруженная в художественном пространстве в разные периоды становления СССР, становилась смысловым центром произведения и дублировала свою главную модель. Так выбор перешел из реальной политической сферы в сферу символическую, в области политической риторики и пропагандистского искусства.

Псевдодемократическая лексика закреплялась и на лозунговом уровне. Лозунг «*Фабрики – рабочим!*», «*Земля – крестьянам!*» воспринимались как адекватные сложившейся реальности. Однако, на самом деле, фабрики, заводы и земля были у граждан отобраны и перешли в собственность государства. Рабочие и крестьяне лишились всякой возможности влиять на экономические процессы.

Названия советских организаций также имели демократическую составляющую. Понятие «*колхоз*» («*коллективное хозяйство*») предполагает добровольное объединение людей, коллективное ведение хозяйства, распоряжение совместной собственностью и результатами труда. Вместо этого советская власть предложила единоначалие, псевдовыборы председателя колхоза, изымание результатов труда, насилие и принуждение к неоплаченному труду. Понятие «*коллективизация*» («*социалистическое переустройство сельского хозяйства*») также представляло собой политический эвфемизм, скрывавший злодеяния режима: ограбление и раскрестьянивание земледельца, лишение его земли и гражданских прав, репрессии в отношении крестьян и их семей, голодомор и др.

Другое демократическое понятие, доставшееся СССР в наследство от дореволюционных времен, – «*профсоюз*». В советской реальности профсоюзная деятельность также претерпела коренные преобразования, лишившись, своих важнейших черт и превратившись, по сути, в свою противоположность. Советские профсоюзы подверглись огосударствлению и стали частью советской

иерархической (бюрократической и пропагандистской) машины. Как справедливо отмечает В.И. Прасолов: *«Профсоюзные организации, формально являясь общественными организациями, фактически представляли собой единую систему с четкой вертикальной иерархией, встроенную в структуру государственного аппарата. Став атрибутом административной структуры на советском предприятии, профсоюз был встроен в административный «треугольник»: партком, профком, начальство. Огосударствление профсоюза привело к их отказу от самой необходимости в противостоянии с руководителями.*

Профсоюзы были политизированы, идеологизированы и ориентированы на пропаганду идеологии правящей партии. Таким образом, институты рабочего самоуправления трансформировались в разветвленный бюрократический механизм, функционирующий на основе административно-командных принципов и подотчетный административным и партийным органам власти» (См.: Прасолов).

Понятие *«творческие союзы»* также не отражало реальность. Творческие союзы - явление демократического мира, свободные общественные организации, объединяющие своих членов на определенной эстетико-идеологической платформе. В СССР они, как и профсоюзы, превратились в свою противоположность: иерархические выстроенные организации, подчиненные партии, выполнявшие контрольно-пропагандистские функции.

Важнейшими элементами советского псевдодемократического дискурса стали понятия *«митинг»* и *«демонстрация»*. *«Митинг – это массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера... Демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации» (См.: Федеральный закон «О собраниях...»).* Митинг и демонстрация - демократические формы общественной активности, инструменты общественного влияния. В СССР все общественные собрания были инспирированы властью и призваны, с одной стороны, отразить достижения *«советской демократии»*: свободу слова и выражения общественного мнения, свободу собраний, с другой, продемонстрировать *«единство партии и народа»*, верность народа *«своей партии и Правительству»*.

Сам демократический термин *«политическая партия»* в советской политической реальности получил наполнение, противоположное привычному пониманию. Политические партии – не просто инструменты прихода к власти какой-либо группы населения, но элемент гражданского общества, открытого политического единоробства с другими партиями. Партия (фр. *partie*; от лат. *partire* — делить) — часть чего-либо, подмножество в составе некоего множества. Существование политических партий имеет смысл только в условиях политического плюрализма и существования других партий.

Отдельного разговора заслуживает понятие *«советская журналистика»*. Журналистика – явление Нового времени и представляет собой фундаментальный общественный демократический институт. Основные задачи журналистики – поиск истины, критика социальных, политических институтов и отдельных личностей, при условии самостоятельного журналистского (редакторского) целеполагания и свободы слова, оказались для *«советской*

журналистики» недостижимы. «Советская журналистика» не представляла общество во всем его разнообразии, а была рупором власти, частью контрольно-репрессивного аппарата. Её высшей целью явилось создание цельного (тотального) информационно-мифологического пространства, своего рода, информационного кокона для советского человека, и, в конечном счете, «формовке» нового человека – инфантильного энтузиаста-исполнителя воли партии (См.: Добренко)

Подведем краткий итог.

Советский политический дискурс – феномен, отличающийся крайним цинизмом. По сути, мы можем говорить о терминологической тоталитарной «матрице», о советском информационно-мифологическом пространстве, задача которого состояла в замещении реальности сеткой нормативных понятий, оторванных от живой жизни. Дистанция между словом и действительностью была так велика, что в некоторых случаях требовались уточняющие определения. Так гуманизм и демократия стали «советскими», реализм «социалистическим», централизм «демократическим».

Список литературы:

- Арутюнов А.А.* Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999.
Режим доступа: <http://www.rus-sky.com/history/library/arutnv3.htm>
- Бунин И.А.* Окаянные дни // Бунин И.А. Избранное. М., 1991.
- Добренко Е.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
- Ленин В.И.* Политический отчет ЦК 7 марта на Седьмом экстренном съезде РКП(б) / В.И. Ленин, Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=tIx5BAAAQBAJ&pg=PA9&lpg=PA9&dq=>
- Меринов В.Ю.* Типология героев в дневниковых очерках И. А. Бунина «Окаянные дни» // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
- Прасолов В.И.* Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России. Диссертация на соискание звания канд. полит. наук по ВАК 23.00.02 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. М., 2012. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rol-svobodnykh-profsoyuzov-v-politicheskoi-sisteme-sovremennoi-rossii#ixzz3nVIfm0IV>
- Сухарев А. Я. Крутых В. Е.* Большой юридический словарь. М., 2003. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17961>
- Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Yashin/protest_004.html

---

Валерий Юрьевич Меринов – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

ИЛЬЯ КРУГЛОВ

647366@bsu.edu.ru

ФУТУРИЗМ КАК АВАНГАРД ТОТАЛИТАРНОГО ИСКУССТВА

Рождение футуризма произошло в Италии в 1909 году. 20 февраля 1909 года парижская газета «Фигаро» опубликовала на первой полосе «Манифест футуризма». Его автором был поэт Филиппо Томмазо Маринетти – человек талантливый и страстный, увлекающийся спортом и мистикой. Именно он стал отцом-теоретиком, вождем, главным вдохновителем и «двигателем» этого нового авангардистского течения.

На создание манифеста Маринетти вдохновил несчастный случай, произошедший с ним накануне: объезжая двух велосипедистов на своей гоночной машине, поэт не справился с управлением и оказался в придорожной сточной канаве. Через некоторое время, наблюдая за тем, как автомеханик разбирает его машину, в сознании Маринетти произошел переворот, и в порыве вдохновения, оказавшись за письменным столом, он создал «Манифест футуризма» и отослал его в Париж (Жвания, 2014 (1)).

«С самой вершины мы бросаем вызов звездам!»

Рисунок 1 - Филиппо Томмазо Маринетти

Первый манифест (потом их будет множество: сам Маринетти, за свою жизнь, опубликовал больше восьмидесяти манифестов, касающихся самых разных сфер творчества и жизни) стал воззванием к молодым итальянским деятелям искусства. Несмотря на то, что на момент публикации манифеста, Маринетти исполнилось 33 года, он призывал новое поколение «выбросить в корзину для мусора» тех, кто старше тридцати. «Молодые и бодрые, идите к нам!». Футуризм для Маринетти – это преобразование Вселенной, расцвет буйства молодости, скорости и динамики. Все прошлое должно быть оставлено и забыто на свалке истории (См.: Турчин).

Рисунок 2 - Луиджи Руссоло, Карло Карра, Маринетти, Умберто Боччони, Джино Северини, 1909

«Манифест футуризма» отрицал духовно-культурные, художественные и этические ценности прошлого и призывал «плевать на алтарь искусства», разрушать библиотеки и музеи: *«А ну-ка, где там славные поджигатели с обожжёнными руками? Давайте-ка сюда! Тащите огня к библиотечным полкам! Направьте воду каналов в музейные склепы и затопите их! Пусть течение уносит древние полотна! Хватайте кирки и лопаты! Крушите древние города!».*

Взамен «музейной»

культуре манифест прославляет «риск, дерзость и неукротимую энергию, смелость, отвагу и бунт», культ технического прогресса и веру в утопическое будущее.

«—Ну, друзья, — сказал я, — вперед! Мифология, мистика — все это уже позади! На наших глазах рождается новый кентавр — человек на мотоцикле, — а первые ангелы взмывают в небо на крыльях аэропланов! Давайте-ка саданем хорошенько по вратам жизни, пусть повывлетают напроочь все крючки и засовы!.. Вперед! Вот уже над землей занимается новая заря!.. Впервые своим алым мечом она пронзает вековую тьму, и нет ничего прекраснее этого огненного блеска!» (Маринетти, 1909).

Главным источником вдохновения для футуристов стал стремительно развивающийся технический прогресс: гоночные автомобили, мотоциклы, локомотивы представлялись им прекраснее, чем любое отжившее свой век произведение искусства. Именно поэтому трубы заводов, самолеты, электричество и поезда стали основными объектами в творчестве футуристов.

Своим первым манифестом Маринетти производит эстетический фурор. Со своими соратниками он начинает заниматься популяризацией стремительно растущего футуристического движения, организовывая выступления, чтения стихов и манифестов. Вокруг него начинают объединяться сначала поэты, а позже и художники: Умберто Боччони, Джакомо Балла, Джино Северини, Карло Карра и Луиджи Руссоло. 8 марта 1910 они провозглашают свой «Манифест футуристической живописи» (Подробнее см., например: Березкин).]

«Новое искусство может быть только насилием, жестокостью»

В «идеологической» составляющей футуристов очень отчетливо прослеживается влияние работы Ницше «Так говорил Заратустра» и сформулированный им культ *Übermensch*, а эстетикой бунтарства во многом обязаны «разрушительному жесту анархистов». Футуристы слагали гимны героизму и силе, прославляли отвагу и бунт, но презирали романтическую

любовь, сентиментальность и жалость, поскольку «теплота куска железа или дерева, волнует нас больше, чем улыбка и слезы женщины».

Рисунок 3 - Дуилино Камбеллотти. Динамика рабочего

«Сверхчеловек», в их представлении, - это всемогущий, бездушный, жестокий и циничный человек. В 1910 году был опубликован единственный роман Маринетти «Футурист Мафарка», которым писатель подкрепил свои взгляды. Один из основных героев романа - механический и бессмертный летающий Сверхчеловек, со сменными запчастями. Новая раса сверхлюдей, процветающая в бесклассовом обществе, в воздушных городах - это утопия, представление идеального общества для Маринетти. В предисловии к роману писатель отмечал, что желает «одолеть тиранию любви, наваждение единственной

женщины, великий лунный свет романтики, омывающий Италию» (Маринетти, 1910). «Футурист Мафарка» был издан на французском и итальянском языках и сразу же обрёл скандальную славу. Для обывателя того времени роман послужил хлесткой пощечиной. Маринетти был обвинен в «оскорблении добрых нравов», за публикацией последовал судебный процесс. Впрочем, для автора этот скандал стал всего лишь очередным отличным поводом для рекламы футуризма.

«Война — единственная гигиена мира!»

Рисунок 4 - Фортунато Деперо. Драка. 1926

Средством освобождения мира от устаревших ценностей, очищение от «пыли» и «рухляди», футуристы видели в революциях и войнах: *«Мы будем восхвалять войну — единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительные действия освободителей, прекрасные идеи, за которые не жалко умереть... Мы будем воспевать многоцветные, многозвучные приливы революций в современных столицах».*

Футуристы не только прославляли войну, замыкаясь на своём творчестве и раздавая пощёчины обывателю. Для них это был не просто пафос и бахвальство, они активно принимали участие во всех военных действиях и революциях. В сентябре 1911 года Маринетти как военный корреспондент отправляется на фронт итало-турецкой войны в Ливию, все его воспоминания, заметки и репортажи будут собраны в книге «Битва при Триполи». Для Маринетти война – это само по себе нечто прекрасное и волнующее: *«Футуристические визги и диссонансы в глубоком оркестре траншей у излучистых проходов, в звонких углублениях, средидвигающихся взад и вперёд штыков, этих смычков скрипок, которые воспаляет энтузиазмом красная палочка дирижера-заката»* (Цит.по: Жвания, 2014 (2)). Именно на войне проявляется истинный героизм и отвага, мужество и честь, так восхваляемая футуристами. Именно на войне футуристы видели своими глазами то, что воспевали, – вершину технического прогресса, гул локомотивов, аэропланы и самолёты, «...чьи пропеллеры, словно транспаранты, шелестят на ветру», управляемых «новыми ангелами» - авиаторами. Даже орудия убийства для них - это живые существа, люди-машины. Карло Карр в своем манифесте «Гуэррапиттура» (1915) трактовал войну как сильнейший источник вдохновения для художника, потому что только в ней проявляются наиболее спонтанно различные потенции человеческой природы (См.: Футуризм..., [http](http://)).

Рисунок 5 - Карл Карр, похороны анархиста Галли

В августе 1914 года начинается Великая Война. Маринетти организует серию публичных акций под лозунгом «Долой Австрию!», публично сжигает австрийские флаги, устраивает выставки - так рождается «Манифест итальянской гордости» (1914). В мае 1915 года Италия вступает в войну на стороне стран Антанты. Для футуристов это был призыв к действию – многие уходят

добровольцами на фронт. Маринетти успевае́т стать добровольцем Ломбардийского велосипедного батальона, позже капитаном отряда бронемашин. Многие футуристы погибли на этой войне, а сам Маринетти был ранен и награждён медалью за битву при Витторио-Венето.

После войны Маринетти создае́т Политическую партию футуристов, подчиняе́т свои художественные интересы политическим (политика для футуристов стала такой же сферой творчества, как и поэзия), приветствует большевистскую революцию в России и утверждение фашизма в Италии. Для футуристов наступае́т новый период – они становятся «двигателем» фашистской революции.

«Шагать, а не гнить!»

В 1915 году Маринетти знако́ится с Бенито Муссолини, с которым у них завязывается дружба. Футуристы разглядели в Муссолини «человека истинно футуристических устремлений». «Приход к власти фашизма означает реализацию футуристической программы-минимум» —объяснял Маринетти. В 1918 году Маринетти и товарищи создаю́т «Политические футуристические фашии» и «Ассоциацию итальянских ардити (смелчак)». В своей программе они всё так же воспеваю́т героизм, борьбу за Новую Италию и социальную справедливость. Эти боевые отряды футуристов, послужили образцом для Муссолини, а все требования футуристов вошли в программу фашизма. Футуристы задавали тон и стиль новой идеологии, они её эстетизировали. Футуристическая концепция человека будущего, отвага, риск, мужество и авантюризм органично вписывались в фашистский дискурс – чёрные рубашки, отважные «ардити» с кинжалами в зубах, бросающие вызов смерти с кличем «*Me ne frego!*» («мне плевать»), милитаристская тематика и, конечно же, образ Дуче, «отца итальянской нации». Всё это служило вдохновением для многих футуристов, подталкивая их творчество к прославлению фашистского режима Муссолини. Особенно это сильно отображалось в изобразительном искусстве. У второго поколения футуристов(1925-1943), одной из главных тем являлся образ Муссолини, вождя фашистской революции, того самого ницшеанского «сверхчеловека», мужественного и сильного.

Рисунок 6. - Паоло Гаретто.
Муссолини и Иудейский лев

Стоит отдельно отметить портреты и скульптуры с Дуче, в самых разных и свободных формах: мы привыкли к изображению реалистичных картин диктаторов, но в Италии, благодаря футуристам, дело обстояло противоположным образом. То, что казалось немислимым в других тоталитарных государствах, в СССР или Третьем Рейхе за подобное можно было лишиться жизни или попасть в концлагерь, было позволено итальянской властью своим творцам.

Например, на полотне художника Эрнесто Микаэллеса «Великий кормчий» («Il Grande Nocchiere», 1939) мы можем наблюдать образ идеального рулевого Италии, под которым, конечно же, подразумевается сам Бенито Муссолини. Художник использует тут стандартный футуристический эстетический код: апогей торжества техники и механизации человеческого тела, союз стали и воли. Таким был идеал нового человека для итальянских футуристов 1930-х годов. Фигура рулевого-дуче натянута как струна, он смотрит вдаль, в скорое будущее, уверенно стоит у руля, скованный железной цепью со своим народом. Его Путь сопровождает стройный ряд самолетов, еще одних часто воспеваемых футуристами чудес торжества техники. Тема авиации у футуристов вылилась в отдельное течение – аэроживопись.

Рисунок 7 - Эрнесто Микаэллес. Великий кормчий. 1939

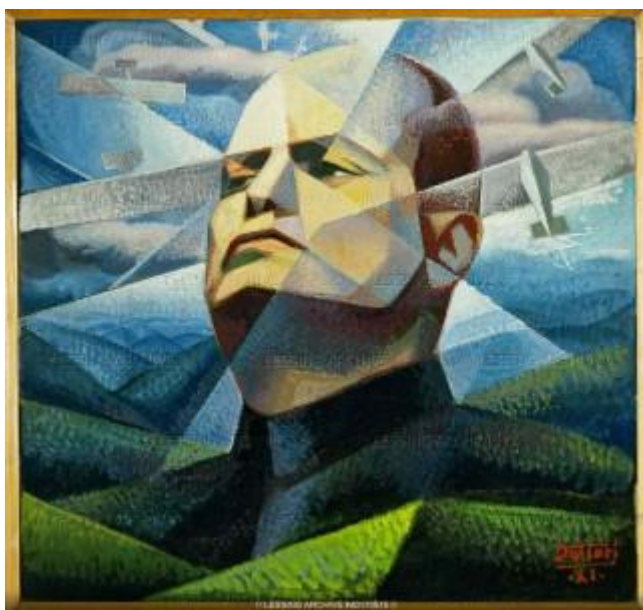

Рисунок 8 - Джерардо Доттори. Дуче. 1933

Еще одним футуристом-художником, приветствующим и воспевающим новую фашистскую власть, был Джерардо Доттори. Мастер настенной живописи, он принял участие в грандиозной по масштабам римской «Выставке фашистской революции»; совместно с Маринетти и другими художниками подписал «Манифест настенной живописи» и внёс значительный вклад в агитационно-пропагандистское направление в изобразительном искусстве. Именно Доттори ввел в обиход термин «Дуче», который закрепился как

автономазия Муссолини после написания художником одноимённой картины, портрета итальянского вождя. На портрете Муссолини изображен реалистично, устремляющим свой взор вдаль (что стало характерной чертой в изображении портретов вождя), на фоне зеленого поля, гор и облаков. Вокруг него кружат привычные для футуристов аэропланы и самолеты, образуя таким образом своеобразный нимб над его головой. На картине «Город революции» («Le città della Rivoluzione») мы также наблюдаем профиль Дуче, гордо возвышающимся над римским Колизеем и животным, которое кормит младенцев – возможно, художник символизирует этим итальянский народ.

Образцом фашистского футуризма может послужить серия полотен Джерардо Доттори образующих картину «Политика фашистской революции» (1934). Очень необычно само построение композиции: картина выстроена в форме пирамиды. В первом, нижнем, ряду мы наблюдаем шагающих

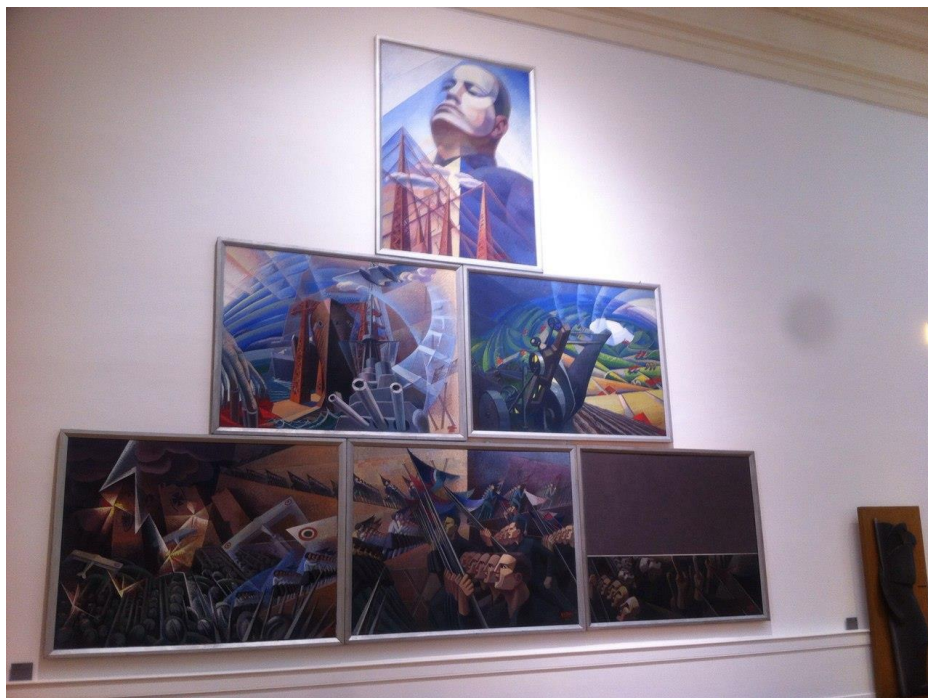

Рисунок 9 - Джерардо Доттори. Политика фашистской революции. 1934

стройными рядами чернорубашечников, которые выходят из недр Великой войны, изображенной художником в форме стальной грозы. Знамена в их руках превращаются в дубинки. На втором ряду выше мы наблюдаем культ машин, промышленного и аграрного производства. Венчает эту «пирамиду» портрет Муссолини: руководителя, вождя, «отца» итальянской нации.

В начале 1930-х в Италии были очень сильны националистические настроения: мощь и техника итальянской армии подстёгивала футуристов к прославлению национальной гордости. Итальянский футуризм долгое время являлся авангардом фашистского искусства, воспевая революцию фашизма. Тем не менее, в отношении футуристов в конце 1930-х - начале 1940-х годов начинается травля, самого Маринетти начинают клеймить как лидера «левого»

искусства. Союз Муссолини с Гитлером – а последний не переносил «дегенеративное» искусство – заставил Дуче избавиться от фаворитизма футуристов. Сам Маринетти в последние годы своей жизни разочаровывается в фашизме, обращается к мистике и христианству. В 1944 году Маринетти умирает, с ним умирает и футуристическое движение.

Рисунок 10 - На Национальной выставке футуристов, 1933

Список литературы:

- Березкин В.* Итальянский футуризм [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/4099bd89-a286-4179-5236-3e7fc469e167/1011123A.htm>
- Жвания Д.* Молодая гвардия Маринетти [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа – <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2014/02/03/18216.html>
- Жвания Д.* Футуризм как матрица фашизма [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа – <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2014/02/06/18265.html>
- Жвания Д.* Футуризм: война как стиль [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа – <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2014/02/05/18258.html>
- Маринетти Ф.Т.* Предисловие к "Футурист Мафарка" (1910) [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://hylaea.ru/marin_publ2.html
- Маринетти Ф.Т.* Манифест итальянского футуризма (1909) [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://www.furfur.me/furfur/heros/manifesto/179523-manifest-italyanskie-futuristy-razrushayut-skrepy-vselennoy>
- Турчин В.С.* По лабиринтам авангарда [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://www.etheroneph.com/gnosis/80-futurizm-budushchee-bez-budushchego.html>
- Футуризм, война и отношение с фашизмом [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://www.etheroneph.com/gnosis/12-futurizm-vojna-i-otnoshenie-s-fashizmom.html>

Илья Павлович Круглов – магистрант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

ЕГОР ПЕРЕВЕРЗЕВ

egorpereverzev@gmail.com

КИТАЙ: РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ

Возрождение научного интереса к вопросам китаеведения в современной России представляется явлением не только адекватным структуре современной геополитики, но и симптоматичным с точки зрения характера этапов развития обоих государств – России и Китая. С одной стороны, причиной этому представляется происходящее на сегодняшний день активное возобновление политических связей, существовавших между двумя государствами в советскую эпоху, с другой – очевидным представляется наличие определенного разрыва между активным интересом к Китаю в России и масштабами его удовлетворения за счет трудов классических и современных отечественных исследователей. Современная китаистика в России переживает ренессанс и сталкивается с рядом проблем, порождённых, в первую очередь, сменой политических, экономических и культурных реалий по обе стороны российско-китайской границы.

Как отмечает в статье «Большая политика Китая и место в ней России» Я.М. Бергер, «*через два-три десятилетия Китай по масштабам своей экономики превзойдет прочие страны (возможно за исключением США) и займет на планете то место, которое принадлежало ему до середины XIX в.*» (Бергер, 2006: 134). Большинство обозревателей разделяют мнение о том, что «*на настоящий день практически ни у кого не вызывает сомнения выход на международную арену нового игрока «первого уровня» - Китая. Китай находится сегодня на стадии «взлета»*» (Торкунов, 2001: 6). Значительные усилия с обеих сторон были направлены на преодоление сложившейся ситуации и выхода на новый уровень развития (проведение культурных и информационных мероприятий в рамках годов России в Китае и Китая в России – яркий тому пример), который позволил бы российско-китайским отношениям переместиться из сферы политических игр в сферу экономического хозяйствования и совместного ведения бизнеса.

Тем не менее, как справедливо отмечает Я.М. Бергер, «*в китайско-российском стратегическом сотрудничестве политическое партнерство все еще значительно преобладает над торгово-экономическим*» (Бергер, 2006: 135). Относительно идеи данной статьи подобное состояние российско-китайского диалога свидетельствует о том, что качественное понимание китайских внутривнутриполитических и внешнеполитических реалий, идеологии и культурно-исторической детерминированности было, есть и в ближайшем будущем будет гарантом успешности отношений во всех без исключения сферах партнёрства.

В свете ситуации, сложившейся на сегодняшний день в российском китаеведении, наблюдается рост интереса к вопросам традиционной китайской

философии, а также вопросам взаимодействия традиционных культурно-философских концептов в структуре социальных институтов социалистически-ориентированного строя КНР.

Проблемное поле исследовательского интереса к вопросам функциональности и интегрируемости традиционных философских концептов в институциональное социально-идеологическое пространство современного Китая характеризуется чрезвычайной широтой. Интегрирующим элементом соответствующей программы последовательного изучения релевантных вопросов, представляется в данном случае идея обусловленности политического дискурса концептуальными элементами официальной культуры. Под *официальной культурой* предлагается рассматривать исторически сформированную, закреплённую в определённом языке и поддерживаемую государством систему норм, ценностей и поведенческих схем, обуславливающую поведение индивидов и социальных групп. Изучение влияния официальных культур на структуру международных отношений внутри геополитических регионов и далее в мировом масштабе представляет перспективы в решении проблем межгосударственной межкультурной коммуникации, межкультурного взаимодействия, межрегиональных конфликтов. Решение задач, связанных с данной проблематикой позволяет, на наш взгляд, не только определить методологические перспективы исследования социально-дискурсивного пространства, но и ответить на актуальные вопросы, связанные с процессами интеграции традиционных философских концепций в современное социально-идеологическое пространство Китая, а значит - прояснить важные вопросы, связанные с настоящим положением и перспективами развития китайской идеологии и политики.

В рамках рассматриваемой проблемы взаимодействия и взаимовлияния культуры на политический дискурс Китая, особый интерес представляет процесс возрождения традиционных культурно-философских концептов в идеологическом пространстве современной КНР с целью поддержания властного status quo и решения проблем культурно-идеологической легитимации существующего политического режима. В настоящей работе мы предлагаем называть данный процесс *реконцептуализацией*. Необходимым условием понимания природы данного процесса представляется знание реалий культурно-исторического развития Китая на протяжении XX века. Кратко поясним, о чём идёт речь.

Судьба конфуцианского учения на территории материкового Китая в XX веке складывалась не просто. Представители правящей маньчжурской династии Цин целиком приняли конфуцианство во всех его институциональных формах, наследованных от предыдущих династий. В первой половине XX века отдельные развития получают два направления имплицитно опирающихся на идеи неоконфуцианства: рационалистическое неоконфуцианство Фэн Юланя (Feng Youlan), а также идеалистическое неоконфуцианство Сун Шили (Xiong Shili).

Некоторые исследователи китайской философии XX века склонны признавать Фэн Юланя (1895-1990) самым выдающимся китайским философом XX века (См. например Wing-tsit, 1969). Сформированная им концепция «Ли

Сюэ» базируется на трёх принципах. Первый – «Ли» как первоосновой принцип, «поскольку вещи существуют, должны существовать и образующие их принципы» (Feng, 1930: 205). Второй – «Ци» как материальная сила: «если существует принцип, должна существовать и материальная сила, дающая ему бытие» (Feng, 1933: 68). Третий – «Дао» как материя (концептуальную первооснову данному термину придают работы ранних неоконфуцианцев (См. например Chou Tun-I An Explanation of the Diagram of the Great Ultimate, ch28, sec.1), а также концепция «Великого единства» (последнее представляет собой основную цель бытия, заключающуюся в познании, совершенствовании своей природы, а также в служении небу, и реализуется в форме «Жень» – великого гуманизма. Философская концепция «Ли Сюэ» представляла собой реконструкцию элементов ортодоксальной конфуцианской философии посредством идей неоконфуцианства эпохи Сун, инкорпорирующую также элементы даосизма, западного реализма и логики. Попытка трансформации конфуцианских ценностных концептов в логическую систему представляет собой по сути реформацию традиционного неоконфуцианства.

Однако, в 1950 году Фэн Юлань в публичном выступлении отказался от своих ранних идей, признавая превосходство марксистско-ленинской теории над идеями конфуцианства, даосизма и буддизма и сравнивая первую и вторые, как «современную и средневековую медицину» (Feng, 1950: 11).

Другой крупный китайский философ XX века – Сунь Шили (1885-1968) начинал свою карьеру в качестве революционера-борца за свержение Цинской династии (Подробнее см.: <http://www.britannica.com/eb/article-9041306/Hsiung-Shih-li>). Однако в двадцатые годы XX века он удалился от революционной борьбы и целиком посвятил себя философским исследованиям. Работа над оригинальной онтологической концепцией велась исследователем на слиянии буддизма, конфуцианства, а также некоторых идей западной философии. В результате в работе «Синь вэй ши лун» (Xin wei shi lun), опубликованной в 1944 году, автор представляет разработку философской теории единой динамической вселенной характеризующейся непрерывностью двух взаимосвязанных процессов производства и воспроизводства – «закрывания» и «открывания». Одним из центральных аспектов процесса непрерывного «закрывания» вселенной является материя. В свою очередь, сознание представляет собой аспект открывания вселенной. При этом оба эти аспекта – и материя и сознание фактически представляют собой элементы единого процесса, в котором «первичная материя» представляет собой «первичное сознание». Первичное же сознание концептуально реализуется посредством конфуцианского термина «Жень» (человеколюбие), замыкая, таким образом, онтологию авторской философской концепции.

Таким образом, становится очевидным то, что начало двадцатого века в Китае характеризовалось бурным развитием философских идей, переосмыслением неоконфуцианской, даосской и буддистских философских традиций, попытками адаптации западных философских учений к китайским культурно-политическим реалиям. Несомненным представляется и значение культурно-философских концепций для китайской политики, важнейшую роль

здесь играет институт «история – политика» одним из главных черт которого является традиционно-высокое значение историко-культурных и философских реалий для политики страны. Как отмечает Л.С. Переломов «...когда политик в своих контактах с народом обращался к истории, используя, как правило в качестве аргумента исторический факт или концепцию древнего философа, особенно Конфуция, он встречал всегда подготовленную аудиторию» (Переломов, 2000: 233).

Создание 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики ознаменовало начало процессов смены философских парадигм, а также начало борьбы за установление марксистско-ленинской идеологии (во многом в её сталинской интерпретации) в качестве основной философии нового государства. Апогеем этой борьбы стала предпринятая в 1972-76 гг. кампания под названием «Критика Конфуция и Линь Бяо» под предводительством философа Ян Юнго, за спиной которого, по мнению Л.С. Переломова, стоял сам Мао Цзэдун (Переломов, 2000: 230).

Вслед за критическими статьями Ян Юнго на конфуцианство обрушился шквал «революционной» критики. В 1976 году в издательстве иностранной литературы КНР вышел сборник статей под названием «Рабочие, крестьяне и солдаты – критикуйте Конфуция и Линь Бяо!». Во вступительной статье редактор отмечает: «Конфуций представлял собою реакционера, который словно собака защищал рабство, и чьи доктрины были использованы всеми реакционерами древности и современности в Китае и за рубежом на протяжении более чем 2000 лет. Буржуазный карьерист, ренегат и предатель Линь Бяо был приверженцем Конфуция и как все реакционеры в китайской истории, обратился к его учению с целью опровергнуть учение Школы Легистов и дискредитировать фигуру Цин Шихуана, первого императора династии Цин (221-207 днэ). Он использовал доктрины Конфуция и Менция в качестве идеологического оружия для узурпации партийного лидерства, захвата государственной власти и реставрации капитализма в Китае (перевод мой - Е.П.)» (A collection ..., 1976).

Под напором социалистической идеологической машины концепты и ценности конфуцианского учения перемещались из сферы политического дискурса в более глубокие «осадочные» слои культуры. Со смертью председателя Мао и низложением радикальной «банды четырёх» началась поэтапная реабилитация конфуцианской традиции. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идёт не о разовом действии, а о медленном поэтапном процессе, основная идея которого заключается в уходе от конфликта между реабилитируемыми конфуцианскими и властными социалистическими ценностями. До конца девяностых годов XX века конфуцианство на материковом Китае продолжало существовать, главным образом, в форме ценностных культурных концептов, частично реализуемых в институциональных дискурсах социального поля. Центром конфуцианства на это время становится Тайвань, а также другие страны так называемого «конфуцианского культурного ареала» – Япония, Южная Корея и другие.

Пережив в ходе XX века ряд серьёзных потрясений, изменив форму и принципы государственного устройства, Китай испытал и продолжает испытывать сложные культурно-идеологические трансформации. В культурно-ценностном аспекте здесь формируется сложнейшая многоуровневая система,

включающая идеологические ценности социалистического строя, новые буржуазные ценности с ориентиром на западные страны, а также возрождаемые историко-культурные традиционные ценности, значение которых возрастает по мере того, как Китай, развиваясь, возвращает свои позиции крупнейшего культурного центра Дальневосточного региона.

Рассматривая специфику процесса реконцептуализации в современном Китае, мы предлагаем рассматривать временной период, начавшийся в ноябре 2002 года в качестве современного культурно-идеологического среза. Именно в ноябре 2002 года XVI Конгресс Коммунистической партии Китая ознаменовал переход, характеризующийся, по мнению современных исследователей–политологов, как «самая масштабная смена власти в истории коммунистического Китая (перевод мой - Е.П.)» (Yun-han Chu, 2004: 1).

XVI Конгресс ознаменовал первый в истории Китая плавный переход власти к так называемому «четвёртому поколению» китайских лидеров во главе с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Передача политической власти в руки относительно молодого поколения китайских реформаторов привела к значительным изменениям в идеологической и культурной сферах внутри КНР. Анализ кризисных характеристик исследуемого этапа свидетельствует о наличии двух противоречивых тенденций, лежащих в основе растущего разрыва между социалистической идеологией и капиталистической формой ведения хозяйства. С одной стороны, речь идёт о стремлении правящего режима КНР к стабилизации и консервации идеологической и политической системы, с другой - о том давлении, которое оказывает на систему развивающаяся рыночная экономика совокупно с культурным влиянием извне посредством средств массовой информации.

В этих условиях идеология КНР адаптирует и использует конфуцианские концепции в качестве своеобразного идейного моста, который способен служить не только интегрирующим началом, но также стабилизировать ситуацию усугубляющегося идеологического кризиса и стать легитимирующей культурно-философской основой современной китайской идеологии. В обращении от 11 октября 2006 председатель КНР Ху Цзиньтао призвал страну к смене доктринальных приоритетов и переходу от концепций ускоренного экономического роста, к концепции, сориентированной на преодоление растущих противоречий в социальной среде (<http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t263865.htm>). Ратифицированная китайским руководством концепция гармоничного социалистического общества (Хэ Се Шехуэй) является ярким примером использования традиционных конфуцианских ценностных концептов на службе современной китайской идеологии. Данная концепция получила свое название из сферы классической конфуцианской терминологии и требует более подробного рассмотрения в данной работе.

Концепт Хэ Се (和谐hexie), переводящийся на русский язык как «гармония» в исторической перспективе может быть рассмотрен в связи с концептом «Хэ» 和 (he), или «Тай Хэ» 太和 (taihe). Последний фиксирует понятие гармонии в

процессе единения разнородных начал (в отличие от подобия или идентичности, не формирующих истинной гармонии). В указанном значении термин начинает употребляться в эпоху Западного Чжоу (См.: Sayings of the States...) и, развиваясь, становится одной из центральных ценностных позиций учения Конфуция.

Понятие гармонии как ценности встречается и у даосов. Характерно, что в данном случае конфуцианское понятие гармонии как свободного единения разнонаправленных начал выражается в концепции диалектики основополагающих сил Вселенной с сохранением идеи их изначально несходной свободно определяющейся природы. Как отмечает Чжан Тайнинь, начиная с Лаоцзы, термин «Хэ» сохраняет концептуальное значение согласия как неконфликтности (Dainian, 2002: 273). Политико-идеологические преобразования в современном Китае послужили причиной акцентуализации концепта «Хэ Се» (和谐hexie), означающего понятие гармонии в узко-прикладном смысле гармонии взаимоотношений.

Осуществление политики «Гармонизации общества» (和谐社会) в современном КНР основывается на идеологической актуализации широкого круга ценностных понятий традиционной китайской культуры. Центральным из них является рассматриваемый концепт «Хэ Се», фундирующий на основе процессов легитимации политику, проводимую под идеологической эгидой достижения гармонии в современном китайском обществе. На XVII Съезде КПК председатель КНР Ху Цзинтао в частности отметил в своей речи: *«После XVI съезда мы... продолжали свое теоретическое и практическое новаторство, обращали особое внимание на стимулирование научности развития и социальной гармонии...»* (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511582.htm от 3.01.08). Подобная концептуальная трансформация представляет собой в частности, масштабный процесс внедрения традиционных китайских философских и конфуцианских в том числе ценностей в политический дискурс современного Китая.

Другим ярким примером реконцептуализации является возрождение концепции научности и образованности «цзяо юй», как источников легитимности власти нынешнего китайского руководства. В докладе 15 октября 2007 года на XVII съезде КПК председатель Ху Цзинтао неоднократно подчеркивает, что опора современной власти имеет твердую научную основу: *«...руководствуясь теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства, углубленно претворяя в жизнь научную концепцию развития, продолжая раскрепощать сознание, твердо держась реформы и открытости, ускоряя развитие на научной основе и стимулируя социальную гармонию, бороться за новую победу в деле полного построения среднеразвитого общества...»* (http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511579.htm).

По данным, приводимым в работе «The new generation of leadership and the Direction of Political Reform after the 16th Party Congress» (Yun-han Chu, 2004: 12), новое (так называемое «четвёртое») поколение китайских лидеров, пришедшее к власти в результате решений, принятых на XVI Конгрессе КПК в ноябре 2002 г., обладает в целом более высоким уровнем образования по сравнению со своими предшественниками. Если расценивать обучение в Высшей Школе Партии как

получение образования, то все 24 члена Политбюро ЦК КПОК имеют высшее образование. Если учитывать только образование, полученное в вузах, то из 24 членов Политбюро ЦК высшее образование имеет 21 из 24, по сравнению с 17 из 24 в предыдущем составе Политбюро ЦК КПК. При этом, все девять членов, входящие в Постоянный Комитет Политбюро ЦК КПК, имеют высшее инженерно-техническое образование (что позволяет говорить о наличии в стране технократического характера верховного руководства). В целом, по официальным данным, 98.6 % членов ЦК КПК (180 человек) имеют высшее образование. Исследователи отмечают, что тенденция к повышению внимания к образованности высшего руководства страны, несомненно, связана не только с идеей научно-технологического прорыва, но и с желанием властей использовать традиционный пиетет китайского народа к образованности и науке в целях повышения уровня легитимности современной системы правления в Китае.

Одновременно, с реинтеграционными процессами в сфере «осадочных» дискурсов культуры имеют место и процессы идеологической реактуализации конфуцианского учения в структуре международных отношений Китая. Здесь речь идёт, прежде всего, о создании международной системы Институтов Конфуция, по сути, представляющих собой культурно-языковые центры для тиражирования элементов китайской культуры за рубежом. Положение об институте Конфуция гласит: *«Созданный с целью развития дружеских отношений с различными государствами, а также с целью ознакомления других народов с культурой и языком Китая, национальный комитет по преподаванию китайского языка как иностранного учреждает Институт Конфуция для реализации задач по обеспечению преподавания китаистики в странах имеющих для этого условия и потребности (перевод мой – Е.П.)».*

Необходимо отметить, что Конфуций при этом рассматривается не через призму своего учения, а скорее, как персоналия, личность, своеобразный «бренд» широко известный за пределами Китая: *«Конфуций известный в истории Китая мыслитель, просветитель и философ. Его доктрины оказали влияние на философию в мировых масштабах. Название института в его честь символизирует богатство и древность китайского языка и культура, а также воплощает идею интеграции китайского языка и культуры в мире в новом столетии (перевод мой - Е.П.)»* (<http://english.hanban.edu.cn/market/HanBanE/412360.htm>).

Заключение

Таким образом, процесс выхода КНР на уровень развитых мировых держав сопровождается усложнением идеологической ситуации. Последняя характеризуется кризисными противоречиями в структуре политического дискурса, выражающимися в расширяющемся идеологическом разрыве между поляризуемыми концепциями социалистического строительства, рыночной хозяйственной экономикой, социалистической идеологией и традиционной и западной культурами. Наличие этих тенденций стимулирует процессы социального расслоения и имущественного неравенства, что, в свою очередь, становится очагом растущего социального напряжения. В этих условиях идеологический аппарат КНР обращается к традиционным ценностям китайской

философии как к своеобразному материалу, способному зацементировать растущую идеологическую брешь, и, таким образом, снизить социальное напряжение в стране. Характерной чертой процессов возрождения конфуцианских философских концепций является реинтеграция ценностных концептов, их инкорпорирование в современный политический дискурс КНР.

Другим феноменом реконцептуализации является политика распространения китайской культуры за пределами Китая с помощью финансируемых китайским правительством Институтов Конфуция, открываемых по всему миру. Подобную культурно-идеологическую ситуацию преждевременно, на наш взгляд, рассматривать как процесс активного возрождения самого конфуцианства в материковом Китае, речь здесь идет скорее об идеологическом применении потенциала легитимности, содержащегося как в ценностных концептах, так в самой фигуре Конфуция, используемой, в данном случае, в качестве всемирно известной марки для создания системы тиражирования китайского языка и культуры за рубежом.

(2008 г.)

Список литературы:

- A collection of articles. Workers, Peasants and Soldiers – Criticize Confucius and Lin Piao. Foreign Language Press, Peking, 1976.
- Chou Tun-I* An Explanation of the Diagram of the Great Ultimate, ch28, sec.1
- Dainian, Zh.* Key concepts in Chinese Philosophy. – Beijing: Foreign Language Press, 2002. – 532p.
- Feng Youlan* I discovered Marxism-Leninism. People's China, 1, 1950, no.6.
- Feng Youlan* Spirit of Chinese Philosophy, 1930
- Feng Youlan* Xinli Xue 1939
- Sayings of the States, 16, Sayings of Zheng, pp. 515-516.
- Wing-tsit Chan* A source book in Chinese Philosophy, Princeton, New Jersey, Princeton University press.
- Xinong Shili* New Doctrine of Consciousness-Only, Shanghai, 1944
- Yun-han Chu, Chih-cheng Lo, R.H. Myers* The 16th Party Congress: New Leaders, New China\\The new Chinese leadership: Challenges and opportunities after the 16th Party Congress. Cambridge University Press., 2004.
- Бергер Я.М.* Большая стратегия Китая и место в ней России.\\ XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае», М.: Восточная литература РАН, 2006. - С.132-138.
- Переломов А.С.* Конфуций Лунь Юй., М.: Восточная литература РАН, 2000. – 589с.
- Торкунов А.В.* Вступительная статья // Китай в мировой политике. – М.:МГИМО(У), 2001. – С.1-11.

Егор Викторович Переверзев – кандидат философских наук

АЛИНА ПОТАПОВА

alipotapova@gmail.com

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В
УСЛОВИЯХ ПРЕДВЫБОРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ:
СТРАТЕГИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
(на примере избирательной кампании партии «Гражданская
платформа» 2015 г. в Белгородской области)**

В последние десятилетия, в связи с демократизацией избирательного процесса и выборных институтов, при изучении политической коммуникации большое внимание уделяется более узкому понятию – *электоральной коммуникации*. Электоральная коммуникация – это разновидность политической коммуникации, которая связана с временным и пространственным выбором, характеризующаяся как *«процесс передачи посланий, идей, предложений кандидата избирателям с помощью тех или иных каналов или средств в течение законодательно установленного периода избирательной кампании»* (Балашова, 2007: 26).

Основные задачи электоральной коммуникации представляются отчётливо и касаются определенной цели – *«в достаточно короткий срок, с максимальной эффективностью агитировать аудиторию, адресуя ей конкретный призыв»* (Ярославцева, 2007: 24). Поэтому особое место в системе политических текстов занимает *агитационный предвыборный текст*, в котором тщательно отобраны и реализованы не только языковые, но и внеязыковые средства, создающие в конечном итоге необходимый адресанту прагматический эффект, т.е. оказывающие эмоциональное воздействие на избирателя, подталкивая его к выгодным для коммуникатора электоральным действиям. Единицами коммуникативного планирования агитационного текста выступают речевые стратегии и тактики.

Понятие стратегии, как отмечает О.С. Иссерс, *«заимствованное прагматикой из военного искусства, во главу угла ставит не кооперацию, а победу, которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении. Это заставляет считать исходной точкой в анализе речевых стратегий коммуникативные цели говорящего»* (Иссерс, 2002: 15).

Основное намерение политического субъекта в условиях электорального процесса – это его избрание на предполагаемый высокий пост, и второстепенное – повышение узнаваемости, увеличение публичного капитала и т.д. Стратегия положительной самопрезентации отвечает второстепенной и, косвенно, базовой цели политического фигуранта и состоит в *«позитивном представлении кандидата как претендента на высокий пост в последовательном «внедрении» этого позитивного образа в сознание избирателей»* (Ярославцева, 2007: 85).

Для создания (воссоздания) заявленного позитивного образа,

политическими коммуникаторами используется ряд тактик – «способов реализации стратегии путем последовательного достижения локальных интенций (коммуникативных намерений)» (Ярославцева, 2007: 80):

- тактика представления (тактический ход «ретроспекция жизненного пути», «акцентуация уникальности»);
- тактика позиционирования (тактический ход «мотивация»);
- тактика расширения положительного образа (тактический ход «сообщение полезной информации») (Ярославцева, 2007: 86 – 132) и др.

Долгое время в России существовало около десятка партий, в том числе представленные в федеральном и большинстве региональных парламентов «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия». После либерализации партийного закона в 2012 году число партий выросло почти до 80. Одной из перспективных стала партия «Гражданская платформа» миллиардера Михаила Прохорова, зарегистрированная летом 2012 года (подробнее: Кондратюк, 2015). Однако после смены весной 2015 года руководства и политического курса партия начинает новый политический сезон практически с нуля.

Электоральная кампания далеко не ключевого игрока на политическом поле представляется интересной для анализа, поскольку именно в этом случае стратегия положительной самопрезентации, как нам представляется, должна реализовываться с наибольшей интенсивностью. Изучение основных стратегических и тактических вербальных и невербальных средств электоральной коммуникации, в которую вовлечены такие игроки, позволит уточнить «логику» принятия политическими субъектами важных коммуникационных решений. На наш взгляд, наиболее полно и ярко эта стратегия должна реализовываться в контексте региональных выборов, в котором электорат в большей степени склонен ориентироваться на узнаваемых политических акторов, а значит от «новых игроков» ожидается использования максимального задействования дискурсивных средств, направленных на привлечение внимание и формирование узнаваемого имиджа. Одной из гипотез исследования являлось следующее допущение: посредством конструирования собственного имиджа политический актер конструирует или реконструирует устоявшиеся в общественном сознании образы конкурентов, в нашем случае – представителей парламентских партий.

Региональным представителем партии «Гражданская платформа» в Белгородской области стал член Федерального политического комитета, промышленник и предприниматель, малоизвестный в Белгороде кандидат в депутаты – Андрей Маликов. «Представитель социального лифта, обычный, земной», – так Маликов сформулировал свое самоощущение на политическом поле, заведомо компенсируя акцентируемые оппонентами отрицательные образы: «предприниматель», «богач».

Основного слогана или девиза у кампании Маликова не было. Тактика позиционирования, применявшаяся политтехнологами, имела целью закрепить в сознании потенциальных избирателей образ кандидата как человека надёжного (слоган: «Я не подведу!»), человека близкого, открытого к народу (слоган: «Я не раздаю обещаний, я даю свой номер телефона»), человека будущего (слоган: «Будущее России. Здесь

и сейчас»), ассоциировать его имя с понятиями: «патриотизм» (слоган: «Здесь наш дом и здесь нам жить!»), «прогресс» (слоган: «Мы – не оппозиция. Мы – альтернатива!»), «социальная поддержка» (слоган: «Кто такой депутат? Слуга народа, а не правящих элит»).

В результате контент-анализа, проводимого нами с целью выявления частотности употребления некоторых языковых единиц в агитматериалах кандидата, удалось выяснить коммуникативные акценты кампании. Результаты анализа позволили сделать ряд выводов относительно специфики коммуникативного планирования агитационных обращений кандидата. Так, высокий показатель употребительности слов «Белгород», «белгородцы», говорит о выражении сопричастности кандидата электорату. Малоизвестному политическому субъекту необходимо было позиционировать себя как патриота своего города, человека неравнодушного к его проблемам, общественной жизни – эти характеристики становятся центром положительного имиджа кандидата. Личное местоимение «Я», встречающееся в агитационных текстах 29 раз, наглядно описывает коммуникативную ситуацию «автор текста — адресат». Текст, написанный от лица самого кандидата, демонстрирует его личную обеспокоенность судьбой города или района, а также выражает решительность в отстаивании интересов избирателей. В целях повышения запоминаемости, в агитационных материалах часто употреблялось имя или фамилия кандидата.

Показательно, что предвыборная тематика в избирательной кампании практически не затрагивалась. Об этом говорит минимальная употребительность лексических единиц «выборы», «избиратели», «депутат», «областная Дума», «политика». Это позволило кандидату дистанцироваться от самой цели выдвижения на заведомо высокий пост, снять эмоциональное напряжение электората, вызванное стереотипностью и предсказуемостью самой ситуации выборов, её «меркантильного» оттенка, повторяемости контекстов.

С целью получения достоверных результатов исследования нами применялся анализ семантики (денотативная репрезентация) и прагматики (репрезентация интересов адресанта) не только целого текста, но и отдельных его элементов, которые в этом тексте получали свою коммуникативную определённость и значимость. Обратимся более подробно к агитационному тексту предвыборных материалов (листовки, плакаты, афиши), задействованных в предвыборной кампании партии «Гражданская платформа» и её регионального представителя, а также рассмотрим основные тактики и тактические ходы, реализующие стратегию положительной самопрезентации политического субъекта.

Тактика представления кандидата предполагает наличие начальных сведений о политическом субъекте и осуществляет коммуникативное «знакомство» избирателей с кандидатом на этапе «узнавания». Задача данной тактики – идентификация кандидата с его «легендой», образом. Имея целью представление кандидата, тактика презентации выполняет амбивалентную функцию. С одной стороны, она предполагает предоставление кандидатом установленного законодательством «минимума» в виде анкетных данных (для подтверждения не только физической, но и идеологической готовности к

участию в выборном процессе). С другой стороны, эта тактика предполагает выделение «коммуникативного продукта» из числа аналогичных.

Традиционным содержанием тактики представления или презентации кандидата являются его биографические сведения, «ретроспекция» жизненного пути, обозначение социального статуса и последовательное перечисление регалий претендента. Репрезентативная функция реализуется в этой тактике за счёт вписывания кандидата в «контрапункт» (хронотопический, идеологический) – пересечение позиций кандидата и избирателя, ситуация наибольшей взаимной заинтересованности. Для разрешения конфликтного взаимодействия кандидата и избирателей в речевой ситуации агитационного дискурса, адресант использует различные «уловки»: приукрашивает факты из своей биографии, переходит на доверительный (интимный) уровень общения, высказывает позицию «свой среди своих», «такой же, как вы (избиратели)».

Основным тактическим ходом, реализующим тактику презентации в рамках стратегии формирования положительного образа, является ретроспекция жизненного пути кандидата, конструируемая по традиционной «анкетной» схеме. Кандидат указывает дату и место своего рождения; школу и вуз, которые он окончил, и квалификацию, которая была ему присуждена; переезд с женой в другой город РФ; имя и год рождения дочери; сведения о втором высшем образовании и присуждённой специальности.

Партия, ранее строившаяся на финансово-политической притягательности, избрав новый политический курс – делает ставку на «кормильцев» (См.: Башлыкова, 2015), т.е. представляет интересы мелкой и средней буржуазии, «среднего класса без олигархов». Таким образом, константные компоненты в виде биографического контекста (указания семейного положения, послужного списка) расширяют традиционную жизненную схему представления кандидата «родился-учился-добился», имеющую оттенок «анкетности», повышая тем самым доверие у электората, отождествляя политического субъекта с ним.

За пять лет в чистом поле я создал предприятие, на котором сегодня работает 50 человек. В политике я недавно, но привык побеждать. Три года назад я записался в сторонники партии «Гражданская платформа», а уже сегодня вхожу в состав Федерального Политического Комитета.

В тексте листовки отчётливо прослеживается тактический ход «акцентуация уникальности», т.е. кандидат приводит аргументы сквозь призму намеренно акцентированного аспекта имиджа по типу «я отличаюсь от других тем, что...», тем самым выделяя себя среди конкурентов по выборам.

Вы устали от пустых предвыборных обещаний и жизни, которая становится всё хуже? II я устал! ...Депутаты пишут законы, устанавливают размеры налогов и коммунальных платежей. II этих депутатов выбираете Вы! II Или остаётесь в стороне, тем самым пуская во власть равнодушных к Вашей судьбе толстосумов. II потом они решают за нас с Вами нашу судьбу. У нас выросло поколение «осваивателей» бюджета, а поколение

«зарабатывателей» не сформировалось. Вот и придумывают депутаты новые налоги, повышают тарифы, вытускают «драконовские» законы, чтобы драть с народа семь шкур ... В нынешнее кризисное время в областной Думе должны быть управленцы, а не болтуны.

Агитационный текст выстроен в традиционной презентационной манере. Повествование от первого лица, откровения претендента, придающие ситуации оттенок исповедальности и создающие иллюзию непосредственного общения, (*Вы устали от пустых предвыборных обещаний и жизни, которая становится всё хуже? И я устал!*) символически приближают кандидата к аудитории, таким образом, эксплицитно подчеркивая его положительность.

Использование экспрессивной лексики с негативной коннотацией: «осваиватели» бюджета, «болтуны», «толстосумы» – (презр.) богач, богатый делец (по Ожегову), «драть (брать с кого-нибудь слишком дорого за что-нибудь, Ожегов) с народа семь шкур», выполняет коммуникативную задачу актуализации концептуальной сферы «криминал», создавая ощущение угрозы и провоцируя чувство недоверия действующей власти. Не случайно и высказывание Маликова о том, что в «областной Думе должны быть управленцы, а не болтуны». Имплицитная отсылка к профессии кандидата (генеральный директор одного из ООО, а также выпускник вуза по специальности «Государственное управление»): акцент здесь сделан на том, что политический фигурант – успешный предприниматель и управленец с опытом, способный повести за собой людей и предложить программу реальных преобразований. Графические средства также мобилизованы для реализации общей коммуникативной интенции текста: «осваиватели» бюджета, поколение «зарабатывателей», «драконовские» законы – прием закавычивания, сигнализирующий о переносном смысле, воспроизводит всеобщие настроения и когнитивные образы устоявшихся общественных явлений.

«Моя задача – стать тем кандидатом, которого вы будете видеть в округе, а не на экранах телевизора» – имплицитно провоцируется вывод: остальные кандидаты умеют только красиво говорить с экранов, но ничего не делать, в то время как «наш» кандидат – человек деятельный и инициативный, обеспокоенный жизнью и благополучием своих соотечественников.

Достаточно полно в агитационных текстах кандидата реализуется **тактика позиционирования**, главная коммуникативная задача которой – используя речевые ходы разного принципа действия (аргументированные и декларируемые), подробно объяснить аудитории, почему и зачем данный кандидат решил баллотироваться, создать некую «проекцию будущего» при условии победы на выборах. В рассматриваемых текстах кандидат отвечает на вопрос «зачем я иду во власть?» и реализует тактический ход «мотивация» (наиболее частотный компонент агитационных текстов):

Мой жизненный принцип – надеяться на себя, брать ответственность в свои руки. Когда развалили СССР, мне было 18 лет. С тех пор я 25 лет слышу от разных партий обещания «лучшей жизни», но на деле это лишь пустые слова. Сейчас мне 42 года. Пришло время брать в свои руки ответственность за свой город, где живёт моя семья, учатся мои дети.

Целеустановка коммуникатора реализуется в стремлении подчеркнуть опасения кандидата к проблемам будущего своего города, своей семьи, а значит и будущего самого избирателя. Коммуникатор стремится максимально подчеркнуть близость и «доступность» кандидата. При этом социальный план ассоциируется с личным планом жизни, а категория будущего конструируется преимущественно в политическом ключе, в контексте обещаний политических субъектов. Достаточно типичным для политического дискурса является использование категорий времени, и в рассматриваемых текстах автор придерживается этой – дискурсивно типичной – линии: трагичное *прошлое*, *настоящее* как точка бифуркации, *будущее* как время надежд и «лучшей жизни». Акцент на активности и дееспособности кандидата создаётся за счёт «количественной» репрезентации времени как сегментированного на «прошлое», «настоящее» и «будущее» индивидуального и социального континуума: личное совершеннолетие совпадает с геополитическим событием, а молодость – с периодом «политических ожиданий» (прошлое); зрелый возраст соотносится с моментом принятия ответственных решений (настоящее) и имплицитно репрезентирован как конкурентное преимущество кандидата. Выражение «*пришло время*» выступает как риторическое «место» пересечения социального и личного планов: «время пришло» в социально-символическом аспекте для общества и в физически-временном – для кандидата.

Тактика расширения положительного образа реализуется через привлечение в агитационный материал дополнительных, «фоновых» сведений о кандидате, выходящих за рамки его политических интересов. Это может быть информация о различных увлечениях претендента, его хобби, традиции, привычки, слабости, и т.д. Именно такая, не нагруженная идеологией информация, способствует наилучшему воздействию на эмоциональную сферу сознания аудитории, достигается эффект «очеловечивания» кандидата. В текстах кандидата уже на уровне одного только слогана («*Открытый депутат. Я не раздаю обещаний. Я даю свой номер телефона*») заметно стремление коммуникатора привлечь внимание избирателя к своей кандидатуре посредством апелляции к его (избирателя) эмоциям и чувствам:

Я иду на выборы по округу, на котором живу сам. Девять лет я живу в Белгороде, на улице Мокроусова. Я знаю свой регион и все его проблемы. ...Только в том случае, когда депутат является частью общества, а не прячется за высоким забором, он может быть полезен людям.

За счёт такого обозначения административно-территориальной общности с избирателями, кандидат демонстрирует способность легко устанавливать сопричастность как особого рода социальное качество. Более того, учёт при создании данного агитационного материала регионального аспекта, или, по выражению О. Кудинова, «особого менталитета каждого региона» (Кудинов, Колосова, Точицкая, 1997: 105) (событийной и фактуальной информации о регионе, экономических, культурных особенностей) – является определяющим для успеха предвыборной коммуникации.

Кроме того, тактика расширения положительного образа реализуется посредством тактического хода «сообщение полезной информации». Речь идёт об использовании в агитационных материалах справочной информации (номера телефонов, адреса), информации прикладного характера (календарная сетка, значимые даты). Благодаря таким «приманкам», коммуникатором делается ставка на то, что избиратель не выбросит листовку, проявляя к ней повышенный интерес, а образ кандидата, в агитационном материале которого фигурирует подобная информация, расширится новыми положительными характеристиками: «практичный», «внимательный», «заботливый».

Завершая анализ, иллюстрирующий принципы коммуникативного планирования агитационного текста в рамках осознанно избранной коммуникатором стратегии положительной репрезентации, можно отметить, что реализуемые автором-составителем интенции кандидата в ситуации борьбы за власть полностью определяют спектр используемых в тексте средств речевой репрезентации. Региональный эмпирический материал позволил нам наблюдать использование стандартного набора стратегических и тактических средств. Это связано с самой ситуацией выборов, стереотипностью, ритуальностью избирательного процесса. Таким образом, для создания положительного имиджа кандидата-новичка, в рамках стратегии положительной репрезентации, коммуникатором используется ряд тактик и тактических ходов, обладающих искомым положительно воздействующим потенциалом на адресата, который можно представить в виде алгоритма ответов на вопросы: 1) кто выдвигаемый кандидат? (тактика презентации – коммуникативное знакомство); 2) какова цель его выдвижения? (тактика позиционирования – тактический ход мотивация); 3) что это за человек вне политического контекста? (тактика расширения положительного образа) и др. В результате создания положительного образа кандидата и пошагового «внедрения» его в сознание электората, имплицитно дискредитируется образ конкурента, подрывается его авторитет, социальный имидж. Достигается необходимый коммуникатору прагматический эффект для последовательного достижения глобальных интенций.

Список литературы:

- Балашова, А.Н.* Электоральная коммуникация в средствах массовой информации [Текст] / А.Н. Балашова // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. – Москва : Изд-во МГУ им. Ломоносова 2007. – № 3. – С. 26–38.
- Башлыкова, Н.* «Гражданская платформа» не видит конкурентов на правом фланге [Электронный ресурс] / Н. Башлыкова // Известия. – 2015. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/585441>
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – Москва : Изд-во УРСС, 2002. – 284 с.
- Кондратюк, А.* «Гражданская платформа» и «Яблоко» удовлетворены итогами выборов [Электронный ресурс] / А. Кондратюк // РИА Новости. – 2015. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20150914/1251032467.html>
- Кудинов О.П., Колосова С.В., Точицкая Н.Н.* Комплексная технология проведения эффективной избирательной кампании в российском регионе [Текст] / О.П.

Кудинов, С.В. Колосова, Н.Н. Точицкая. – Москва : Изд-во ИД «Банковское дело», 1997. – 160 с.

Ярославцева, А.Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте [Текст] : дис. ... канд.филол. наук / А.Е.Ярославцева. –Томск, 2007. – 230 с.

Алина Викторовна Потапова – студент 4 курса бакалавриата направления «Реклама и связи с общественностью» Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).

НАТАЛЬЯ КУШАКОВА

n_kushakova@hotmail.com

SMS-ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Стремительное развитие коммуникационных технологий, характерное для современного «постписьменного» состояния социального взаимодействия (М. Маклюэн), приводит к постоянной эволюции искусственных коммуникационных каналов, слиянию «человека слушающего» и «человека смотрящего» с попеременным превашированием того или иного типа. Сегодня революция в области социальных коммуникаций регулярно предлагает обществу все новые каналы дистанционного общения (аудио- и видеозвонки в интернете, приложения для обмена фотографиями, интерактивных развлечений и проч.), однако можно говорить не о замещении, вытеснении одних коммуникационных средств другими, а об их кумуляции (А.В. Соколов).

SMS-опосредованная коммуникация должна рассматриваться «как один из «режимов взаимодействия», доступных говорящим в современном мультимедийном мире» (Rossi, 2010) (см. прим. 1). В условиях постоянно развивающихся медиатехнологий коммуникативная компетенция автора заключается, в частности, в способности выбирать адекватный канал коммуникации, наиболее точно отвечающий его интенциям, взаимоотношениям с адресатом и ситуации общения в целом.

Сервис SMS (Short Message Service) сегодня обслуживает как персональное общение лично знакомых коммуникантов по схеме «один-одному», так и институциональное взаимодействие пользователей (см. прим. 2). В отечественной исследовательской литературе освещается, главным образом, персональная SMS-коммуникация (Помельникова, 2009; Савельев, 2011; Хейлик, 2009; Кушакова, 2014 и др.). Однако существенный интерес представляют и малоизученные институциональные практики, которые, по свидетельству Р. Линга, являются генетически исходными в коммуникативном пространстве SMS (Ling, 2004: 1) (см. прим. 3).

В специализированной литературе SMS-сообщения между частными абонентами, соотносимые с персональным дискурсом, принято обозначать как P2P (Person-to-Person), в то время как сообщения, автоматически рассылаемые специальным приложением одному абоненту или группе абонентов (институциональные дискурсивные практики SMS), получили название A2P (Application-to-Person). «По оценкам J'son & Partners Consulting, до середины 2013 года примерно 70% входящего A2P-трафика операторов составляли SMS-

уведомления от банков. Остальной объем сообщений приходился в основном на рекламные и информационные рассылки торговых сетей, интернет-магазинов, автоперевозчиков, предприятий услуг, электронных платежных систем. При этом значительная часть рекламного трафика приходилась на спам» (Российский рынок SMS-рассылок, 2014).

В настоящее время аналитики констатируют более высокие темпы развития именно A2P SMS, которые «имеют хороший потенциал роста благодаря развитию мобильной рекламы и интернет-рекламы, активному применению в банковско-финансовом секторе; SMS-уведомления используют социальные сети, коммерческие компании и государственные учреждения» (Мобильные мессенджеры каннибализируют SMS).

Институциональные разновидности SMS-дискурса выделяются на основании обслуживаемых ими социальных институтов и сфер человеческого взаимодействия, преследуемых целей. На данный момент представляется возможным выделить по крайней мере четыре разновидности институциональной деятельности в коммуникативном пространстве SMS: рекламной, медийной, криминальной, операциональной. Важно отметить, что «Типы институционального дискурса выделяются с известной долей условности, они носят исторический характер, имеют полевое строение и взаимопересекаются» (Карасик, 2002: 295).

Как представляется, структура SMS-дискурса включает как ядерные разновидности, так и периферийные явления. Периферия представлена практиками, которые демонстрируют редуцированный набор конститутивных признаков или же находятся на пересечении разных модусов и, соответственно, разных типов дискурса. Ядерным в этом отношении является рекламный SMS-дискурс, а периферийными – криминальный, мимкрирующий под бытовое или операциональное взаимодействие, медийный, выходящий за рамки коммуникационной среды SMS, и операциональные практики, в которых отсутствуют отчетливые признаки определенного типа дискурса (Иссерс, 2011: 228).

Рекламный SMS-дискурс реализуется в рассылке сообщений информационного и рекламного характера с целью привлечения внимания, продвижения товаров и услуг, улучшения имиджа рекламодателя и проч., адресантом которых выступает рекламодатель (в большинстве случаев через посредника в лице рекламиста), а адресатом – определенная или случайная группа абонентов сотовой связи. Монологический дискурсообразующий жанр SMS-рассылки обслуживает речевое взаимодействие по схеме «один-многим», реализующееся в отправке сообщений массовому адресату в одностороннем порядке; не предполагает вербализованного ответа на сообщение-стимул.

По степени определенности адресата выделяются такие разновидности, как спам, таргетированные рассылки и адресные, или директ-рассылки. **Спам** – наиболее дешевый вид рекламирования, однако и наименее эффективный, так как сообщения рассылаются случайному множеству адресатов. Неактуальность информации и агрессивная манера (*BMW X3 БЕСПЛАТНО. 1 БЕСПЛАТНОЕ SMS на 5888 и Вы можете выиграть 1 из 34 BMW X3 СЕГОДНЯ! Отправьте MTS на*

5888, чтобы выиграть! БЕСПЛАТНО! www.mts.ru) порождают эффект «усталости» от рекламы и снижают лояльность потенциального клиента в отношении бренда. После внесения изменений в закон «О связи» в 2014 году, разрешающих рассылку сообщений рекламного характера исключительно абонентам, выразившим согласие на их получение, доля спам-рассылок существенно сократилась.

В случае **таргетированных рассылок** рекламист выделяет группу потенциально заинтересованных адресатов на основании определенных социальных, гендерных, материальных, географических и других характеристик. Например, геотаргетинг позволяет рассылать рекламные сообщения абонентам, которые находятся недалеко от места предоставления услуги.

Наиболее эффективны **адресные, или директ-рассылки**, которые предполагают составление рекламодателем собственной базы заинтересованных адресатов (при заполнении анкет для получения дисконтных карт, регистрации в онлайн-магазинах, образовательных, информационных и других порталах). Этот вид рекламы в полной мере реализует потенциал SMS-канала и отвечает современным тенденциям директ-маркетинга и маркетинга взаимоотношений. Он позволяет устанавливать долгосрочные отношения с клиентом и формировать положительный имидж компании (*Наталья, в День Рождения и до 15.02.14 скидка 25% на всё в Л'Этуаль! Поздравляем! Подробности www.lettoile.ru*).

Неопределенный хронотоп SMS-рассылок позволяет преодолеть характерную для традиционной рекламы пространственно-временную ограниченность, что повышает процент прочтения рекламного сообщения и, соответственно, его эффективность. Техническая специфика канала спровоцировала смещение фокуса рекламирования с единичного товара на группу товаров, промоакцию или рекламодателя. Формат SMS-сообщения (жестко ограниченный объем, невозможность шрифтового выделения, неудобность вложения графических материалов) не подходит для знакомства аудитории с новым товаром или услугой. При этом он эффективно справляется с задачей информирования об особых условиях получения уже известного товара или услуги (*С 1 мая по 31 августа 2013г Распродажа в ИЛЬ ДЕ БОТЭ! Вас ждут скидки на товары, отмеченные синим стикером до 40%, а на товары, отмеченные зеленым стикером до 50%. Подробнее: Etoya.ru 0+*).

Воздействующий характер рекламного SMS-дискурса объясняет продуктивность манипулятивных стратегий. Стратегии привлечения внимания и повышения запоминаемости реализуются тактиками активизации невольного внимания (использование верхнего регистра *Компьютерные мастера! 15-16 мая 15% **СКИДКА**. Выезд **БЕСПЛАТНО!** 97-22-71; транслит и переключение кода 1) *Автотати-s 03:00-08:00. лучшая клубная музыка от DJ goroda. 2) **PRESALE** для владельцев клубных карт-30% на ВСЁ только 10.06. INCITY.RU; восклицательные конструкции **Полундра!** Новая коллекция!!! Подарки в Svetski!!! Svetski mega и проч.) и сознательной фиксации внимания (апелляция к актуальным проблемам адресата *Хотите СВОБОДНО пользоваться мобильным Интернетом и звонить на ВСЕ сети, но при этом ЭКОНОМИТЬ? 1 Гб Интернета + 300 минут на все сети - новый тариф "Smart" (200 руб./мес.)! Подробнее: 111779 (звонок бесплатный). Перейти: *111*1024# и вызов. При переходе взимается плата по тарифу за первый месяц.*).**

Стратегия снижения критичности восприятия в рамках SMS-рассылок реализуется тактиками создания доверия (1) *Разведка в сфере бизнеса. Помощь во всех инстанциях. Возврат крупных долгов. Возврат прав, в том числе и лишенных. Гарантия. 506-300; 2) Роллы у Вас дома за 60 минут или бесплатно. Подр. по тел.: 29-20-20, 29-21-21, www.boroshiki.ru;*) провоцирования эмоциональных реакций (включение в сообщение «эмоциональных триггеров» 1) *Навстречу любви! -40% на ароматы LOEWE! Только 14-16.03.14 letu.ru, 2) Освежающие СМУЗИИ всего за 69 руб.! Только в приложении BURGER KING.*)

Влияние на принятие решений осуществляется в рамках тактики прямого императивного влияния (*Бесплатно **подключите** услугу "Легкий роуминг и международный доступ" - **подготовьте** телефон к поездке в популярные страны. **Звоните и подключайте** 0590534*), комбинации прямого императива и аргументирования выгоды (*Только в апреле! **Купи** один крем, второй - **в подарок!** www.letu.ru*), тактики темпоральной лимитации коммерческого предложения (*Суперценны на украшения, колье, клатчи! **Последние два дня! Успей** до 2014*).

Стратегия дискурсивного позиционирования отвечает цели выстраивания долгосрочных отношений с адресатом. Она реализуется тактиками самопрезентации бренда (ср. *Наталья Олеговна, успеете получить одобренную для Вас кредитную карту с лимитом 45000р. на специальных выгодных условиях! Ждем Вас в ближайшем отделении с паспортом. ОАО Сбербанк России. и **Final sale!** Скидки до 70%! Бижутерия – 90р! Угги – 590р!*), моделирования образа адресата (подчеркивание исключительности **BRAND-IN-TREND Только для Вас** новый промо-код "JUNE50", он дает вам скидку 50% абсолютно на ВСЕ. Только до 10 июня! + бесплатная доставка. Начать покупки на: www.brand-in-trend.ru; выбор номинации и формы обращения 1) **Наталья**, Франция празднует! А для вас до -70% на РАСПРОДАЖЕ и бесплатная доставка на 2 дня; 2) **Уважаемая Наташа!** С днем рождения! Примите от нас 100 баллов в подарок! МТС Бонус; 3) **Ольга Олеговна**, при оплате телефона на сумму от 500 руб. в НОЯБРЕ, получайте в 3 раза больше бонусов СПАСИБО. Отправьте СМС с текстом 500 на номер 900. <http://spasibosberbank.ru/mb>), моделирования отношений между адресантом и адресатом (создание круга «своих», «мы-группы») *Ювелирные подарки для влюбленных 14 февраля! Предъяви sms и получи скидку 10% в "Ювелирном Союзе" Р.С. **Только для своих.** Ленина,21; Маркса,84; ТЦ Омский; ПП ОКЕИ;* подчеркивание устойчивости отношений 1) *II снова мы! Весь май двойные бонусы по твоей дисконтной карте! letu.ru, 2) MANGO на ул. Ленина 14, продолжает Вас радовать скидками и новинками!*)

Как справедливо замечает С.В. Бондаренко, «SMS-коммуникация может осуществляться как непосредственно по линии отправитель-получатель, так и опосредованно, через электронные масс-медиа: отправитель – телестанция – экран телевизора – получатель» (Бондаренко, 2006: 7). В отличие от рекламного, **медийный SMS-дискурс** предполагает выход за пределы коммуникационного канала SMS. Он осуществляется в рамках жанра эфирных SMS-сообщений по схеме «один-многим» («один-одному (многим)»). SMS-канал используется для отправки сообщений на редакционный номер радиостанции, телевизионного канала или интернет-сайта. После модерации они транслируются в рамках радиоэфира (передачи «SMS-приветов»), телепрограммы (телевизионные «SMS-

чатъ»), интернет-акции.

В таких дискурсах с «вторичной публичностью» (Нещипенко, 2003: 25) адресантом выступает частное лицо, абонент сотовой связи, а адресатом – неопределенная массовая аудитория. Главная коммуникативная интенция говорящего – быть услышанным широкой аудиторией, в результате чего «размывается граница между межличностным и широкоэмитальным обменом сообщениями» (Thurlow, Poff, 2013: 164).

Этот переход коммуникации из разряда частной в индивидуально-коллективную сопровождается виртуализацией коммуникативного пространства и сменой коммуникационного средства. «При виртуальной коммуникации тексты межличностного общения, т.е. по своей природе адресованные определенному лицу, становятся публичными (т.е. адресованы широкой публике) в результате изменения характера их воспроизведения» (Асмус, 2005: 27).

Даже если первичный адресат указывается как ди-джей, ви-джей, музыкальный или телевизионный канал (*Спасибо вам, за хорошую музыку!!!! Европа плюс ТВ, мы Вас любим! Маринка.*), определенная ограниченная группа лиц (*Ангарск, девушки Вы лучшие!*), знакомые коммуниканта (*Ася, Дима, Маша, Артем, Никита! Привет из клуба! Рязань!*), в конечном счете оно адресуется любому, активному или пассивному, обозначенному или необозначенному явно участнику общения. Виртуализация общения снимает и некоторые психологические барьеры, связанные с межличностным общением, например, боязнь признания в любви, выяснения отношений и проч. 1) *Арик, ты не права! Дима.* 2) *Аниса Пибердина, лисичка... Прости меня, ты прелесть!* 3) *Привет! Я люблю тебя Саша! Давно хотела это тебе сказать, но никак не осмеливалась.*

Яркий пример медийного SMS-дискурса – акция «SMS на МКС», приуроченная к празднованию Дня авиации и космонавтики в 2013 году. Абонентам оператора сотовой связи «Билайн» было предложено отправить поздравления для космонавтов Международной Космической Станции на короткий номер 1204. Сообщения, которые организаторы посчитали наиболее интересными, транслировались в официальном твиттере акции @SMSnaMKS. Например, 1) *Я ГОРЖУСЬ, РЕБЯТА, ЗА НАШУ ТЕХНИКУ, ЕДИНСТВЕННУЮ В МИРЕ ЛЕТАЮЩУЮ ДО СИХ ПОР. Я И МОИ МУЖ БЫЛИ ПРИЧАСТНЫ К ЭТОМУ. МЫ СТАРАЛИСЬ;* 2) *Космонавты, поздравляю вас с вашим праздником! Нашли ли вы жизнь на других планетах? Жду ответа, Паша Мысягин, 6 лет;* 3) *РЕБЯТА ПРИВЕТ ВАМ С БАЙКОНУРА. С ПРАЗДНИКОМ ВАС. Я ЗАПРАВЛЯЯ ВАШУ РАКЕТУ. 123СИСТЕМА. УДАЧИ ВАМ! С УВАЖЕНИЕМ КРИВОШЕЯ В.* (см. прим. 4). В данном случае виртуальным адресатом выступают космонавты МКС, а реальным – организатор акции, также в сознании адресанта присутствует образ транспонированного адресата, т.е. любого пользователя интернет и, в частности сервиса микроблогов Твиттер, который учитывается при создании текста.

Стремясь приобрести вторичную публичность, сообщение по сути покидает среду SMS-общения и становится массовой информацией уже в пространстве интернет, радио- или телеэфира. Являясь единственным способом самопрезентации автора, оно должно быть достаточно ярким и креативным,

чтобы достичь преследуемой цели – произвести должное впечатление на массового адресата. В данном случае всегда присутствует модератор (в радиоэфире эту роль обычно выполняет ди-джей), который, как правило, отсеивает сообщения, нарушающие нормы морали, содержащие брань, инвективную лексику, призывы к насилию и проч.

Стоит отметить, что воспроизведение SMS-сообщений в радиоэфире существенно отличается от трансляции в телеэфире и на интернет-порталах. Если в последнем случае сохраняется письменный модус, текст транслируется либо без изменений, либо с переводом с латиницы на кириллицу, то в радиоэфире письменный модус изменяется на устный. В результате, во-первых, утрачивается специфическая графика (использование верхнего регистра, эмодзи и проч.), во-вторых, сообщения транслирует ди-джей, который определенным образом интонирует тексты, может вставлять комментарии и проч. Иначе говоря, сообщение претерпевает существенные изменения, может утрачивать первоначально заложенные автором смыслы и приобретать новые.

Таким образом, под медийным SMS-дискурсом мы предлагаем понимать SMS-опосредованную массовую коммуникацию, осуществляемую по схеме «один-многим» с целью информирования членов определенной социальной группы либо самопрезентации и апелляции к массовому слушателю или зрителю.

Криминальная разновидность SMS-дискурса является производной от персональных и институциональных дискурсивных практик. Принимая во внимание различие в целях и характере отношений между участниками взаимодействия, представляется возможным различать такие практики, как SMS-буллинг и SMS-мошенничество. Первая тяготеет к персональной разновидности SMS-дискурса, вторая представляет собой институциональную разновидность.

В современной психологии термин **буллинг** (от англ. *bullying* – запугивание) определяется как «длительное систематическое физическое или психологическое насилие, осуществляемое одним человеком или группой и направленное против человека, который не в состоянии защититься в фактической ситуации, с осознанным желанием причинить боль, напугать или подвергнуть человека длительному напряжению» (Ильин, 2014: 174). Наиболее распространен буллинг в школьной и студенческой среде, однако подвергаться ему могут и работники, военнослужащие и проч.

Травля может осуществляться как в реальном, так и в виртуальном коммуникативном пространстве. «Буллинг, осуществляемый в информационном пространстве через информационно-коммуникационные каналы и средства, называется кибербуллингом (моббингом). Он может осуществляться в Интернете посредством электронной почты, программ для мгновенного обмена сообщениями в социальных сетях, а также через размещение на видео-порталах непристойных видеоматериалов. <...> посредством мобильного телефона (например, с помощью SMS-сообщений или постоянных звонков)» (там же: 175).

В нашем корпусе нет примеров кибербуллинга, такие сообщения не представлены и в открытом доступе в силу их оскорбительного характера, с одной стороны, и боязни жертв рассказывать о случаях такой травли даже

родителям, с другой. По нашим данным, в России пока нет статистики, позволяющей оценить масштаб кибербуллинга. Однако, согласно британским и французским исследованиям, жертвой кибербуллинга становился каждый четвертый подросток (в опросе участвовали респонденты в возрасте 11-19 лет) (см. прим. 5). О продуктивности этой дискурсивной практики позволяют судить также многочисленные международные и национальные сайты, созданные для поддержки жертв кибербуллинга и информирования о средствах борьбы с ним (см. прим. 6), исследовательские работы и методические указания, в том числе для родителей, по предотвращению таких случаев.

Принципиальное отличие кибербуллинга от реальной травли в том, что виртуальное преследование не предполагает физического контакта и не заканчивается, когда жертва уходит из школы домой. Оно направлено не на причинение физического ущерба, а на разрушение психологического спокойствия личности, уверенности в себе.

Активность кибербуллеров психологи связывают со спецификой новых технологий. Во-первых, для дистанционных издевательств, особенно анонимных, не требуется физическая сила, смелость или уверенность в себе. При этом если, например, взлом страницы в социальной сети или почтового ящика требует от обидчика определенных навыков работы с компьютером и интернетом, то для массовой отправки оскорбительных, обидных, смущающих, запугивающих SMS-сообщений достаточно лишь иметь мобильный телефон и номер жертвы. Во-вторых, многие коммуникационные средства (SMS, IM, электронная почта, личные сообщения в социальных сетях и проч.) носят закрытый, непубличный характер, что существенно снижает контроль со стороны посторонних. Жертвы, как правило, либо стесняются говорить о своих проблемах, либо боятся, что родители лишат их доступа к виртуальному пространству, чтобы пресечь кибербулинг. Анонимность, которую предоставляет дистанционный сервис коротких сообщений, позволяет кибербуллерам не бояться быть пойманными.

Кибербулинг может носить не только лично-ориентированный характер. В частности, целью преследователей может быть публичная дискредитация лица, чьи взгляды они не разделяют, запугивание индивида, чтобы он отказался от собственных принципов, политических или общественных взглядов, действий, а также психологическое насилие над жертвой (см. прим. 7).

SMS-мошенничество в свою очередь направлено на вымогательство средств, получение личных данных, информации о банковских счетах обманым путем. Этот вид речевого взаимодействия представляет собой периферийную дискурсивную практику, которая по типу относится к криминальному дискурсу, однако в силу стандартизованности речевого взаимодействия и имитации бытового SMS-дискурса или SMS-банкинга не может в строгом смысле считаться реализацией криминального дискурса. Адресанты используют разнообразные приемы манипулирования для того, чтобы пробудить интерес адресата и спровоцировать его ответные действия. Наиболее отчетливо выделяются приемы имитации персонального общения и операциональных практик, в частности

SMS-банкинга, о которых пойдет речь ниже (см. прим. 8).

В первом случае адресату поступает SMS-сообщение с незнакомого номера, имитирующее просьбу от лица родственника, друга или коллеги пополнить счет на определенную сумму. Необходимость объясняется тем, что отправитель столкнулся с непредвиденными трудностями (авария, драка, травма, правонарушение и проч.): 1) *Мама у меня проблемы. Телефон разрядился. Положи 500 на этот номер срочно! Как смогу перезвоню.* 2) *МАМ!кинь до ОБЕДА 500р.на8962***** (Билайн)Проблемы.Потом все объясню.*

После того, как этот прием получил широкую огласку в СМИ, он перестал быть эффективным. Изначально эффективность данной разновидности SMS-мошенничества объяснялась применением стратегии интимизации (использование неформального регистра, обращений, моделирование универсальных ситуаций, в которых может оказаться каждый, и других приемов языкового манипулирования). Адресату дают понять, что он в силах исправить сложившуюся ситуацию. При этом мошенники апеллируют к эмоциям жертвы, которая предположительно пребывает в состоянии тревоги или шока после получения плохих новостей, соответственно критичность восприятия информации снижена.

Еще один прием псевдоперсонального SMS-общения – виртуальные знакомства и флирт. Так, абоненту приходит SMS-сообщение с незнакомого номера с предложением познакомиться, каким-либо предлогом, перетекающим в такое предложение. Адресат может заинтересоваться новым знакомством либо решить, что за маской анонимного собеседника скрывается кто-либо из его знакомых. При этом отправка каждого SMS-сообщения на номер мошенника оплачивается по особому тарифу, который значительно превышает стандартную плату за сообщение.

О.В. Лутовинова при описании спама выделяет вид, «преследующий мошеннические цели (письма различного содержания, направленные на выманивание у адресата денег, номеров кредитных карт, паролей для доступа к онлайн-финансовым операциям и т. п.)» (Лутовинова 2008: 191). Зачастую мошенники имитируют сообщения от банков о блокировке кредитной или дебетовой карты, попытке взлома счета, совершении некоего платежа (адресат, зная, что не совершал платеж, перезванивает по указанному номеру, чтобы разрешить недоразумение) (см. прим. 9). Практически все такие сообщения содержат телефонный номер для получения дополнительной информации.

В этом случае, напротив, используется формальный регистр, нейтральный, официальный стиль, который свойственен сообщениям SMS-банкинга. На снижение критичности восприятия направлена и замена цифрового номера на значимое буквенное обозначение отправителя (например, VISACARD, SBERBANK), и ссылки на известные ресурсы *BMW X3 БЕСПЛАТНО. 1 БЕСПЛАТНОЕ SMS на 5888 и Вы можете выиграть 1 из 34 BMW X3 СЕГОДНЯ! Отправьте MTS на 5888, чтобы выиграть! БЕСПЛАТНО! www.mts.ru.*, включение в текст указаний на проверенного отправителя, например, 900 – номер, с которого производятся все рассылки от Сбербанка. Когда получатель перезванивает по указанному номеру, с его счета списывается определенная сумма. Устная

коммуникация также призвана имитировать общение с сотрудником банка вплоть до создания фоновых звуковых эффектов. Жертву могут попросить сообщить номер счета, пин-код, совершить тестовый платеж по предложенным реквизитам и проч.

Псевдооперациональные практики могут осуществляться в рамках уведомлений о входящих сообщениях голосовой почты, открытках и других вложениях, якобы отправленных адресату через какой-либо другой сервис: 1) *Вам ГОЛОСОВОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ. Чтобы прослушать, ЗВОНИТЕ 07242 /КОД 759/10р/м.* 2) *Вам поступило новое MMS сообщение. Для просмотра зайдите на сайт <http://mms.mts.ru/>. Ваш логин: +79136456290 пароль: 383061.* 3) *Вам прислали MMS открытку! Смотреть: <http://vk.cc/1AjrvU>* 4) *Вам пришла открытка. Прочитать по адресу, <http://wap.mobipage.ru/a/MVx4Noc/pc/get/m/222/>.* Они содержат ссылку на интернет-ресурс для просмотра графических вложений либо номер телефона для прослушивания голосовых.

Такие сообщения могут преследовать, по мнению, О.В. Лутовиновой разные цели: списание средств со счета, раскрутка сайта (посредством увеличения числа просмотров), проверка валидности номера для последующей массовой рассылки сообщений и проч. (Лутовинова 2008: 191). Таким образом, эффективность мошеннических действий объясняется использованием тех же речевых жанров (SMS-переписка в случае псевдоперсонального общения и SMS-уведомление в случае псевдооперациональных практик) и языкового кода, что и в имитируемых разновидностях дискурса.

Периферийным явлением в структуре SMS-дискурса можно считать **операциональные дискурсивные практики**, когда речевое взаимодействие коммуникантов не является самоцелью, а лишь сопровождает или провоцирует изменение внеязыковой ситуации. В данном случае сложно выявить четкие конститутивные признаки дискурса, такие как ценности, стратегии и проч. В рамках подхода, предложенного в упомянутой статье О.С. Иссерс, представляется возможным называть операциональными дискурсивными практиками случаи взаимодействия следующих агентов и клиентов:

– оператора – абонента сотовой связи (операции со счетом, подключение/отключение услуг, смена тарифного плана, запрос информации и уведомления о состоянии счета, поступлении средств на счет и проч.): 1) *Вас срочно просит позвонить абонент +8908*****,* 2) *Добро пожаловать в МТС! В следующем SMS Вы получите настройки для MTS Internet и MTS MMS. Сохраните их. // Мобильное ТВ - более 100 каналов, всего 8 руб/день, трафик бесплатно! Подключай *999#;*

– банка – держателя банковской карты (SMS-банкинг: уведомления о пополнении счета/списании средств, информация о доступных банковских продуктах и проч., программы лояльности платежных сервисов, команды и пароли для подтверждения или отмены операций по счетам): *VISA****: 23.10.13 03:50 покупка на сумму 590.60 руб. NOVATOR выполнена успешно. Доступно: 10422.34 руб.;*

– интернет-магазина – покупателя (сообщения об изменении статуса заказа): 1) *Ваш заказ 35642 отправлен. Мы обязательно оповестим Вас о его доставке, 2) Заказ 75032639 в самовывозе до 19.02. Сумма 1673р. +7 (3812) 31-63-94;*

– интернет-сервиса – клиента: *Ваш код подтверждения: 3038 (GROUPON);*

– службы доставки – адресата отправления (уведомления о прибытии, задержке, аннулировании, заказа): PICKPOINT Код 75497**** для получения Вашего заказа от MANGO. Заказ ожидает Вас по адресу: г.Омск, Мира пр-кт, д. 42 к. 1 ( ), Постапат: ТЦ Европа. Часы работы: ежедневно с 10-00 до 21-00. Срок хранения заказа до 08.05.2014 включительно. Сумма к оплате 2518,6 руб.;

– поставщика мобильного контента – потребителя (заказ и доставка картинок, мелодий, гороскопов, новостей, погоды, игр);

– организатора рекламной промоакции (предполагающей регистрацию кодов с упаковок продукта по SMS) или социальной акции – участника: *А: Вместе / В: Спасибо за Вашу помощь!* (акция «Всемирно» по сбору средств для пострадавших от наводнения на Дальнем Востоке в 2013 году) (см. прим. 10).

Дискурсивная деятельность осуществляется в рамках монологического жанра SMS-уведомления, обслуживающего речевое взаимодействие по схеме «один-одному» посредством отправки сообщения с одного телефона на другой или с интернет-сервиса на мобильный телефон. Эти дискурсивные практики отличает максимальная стандартизация лингвистической реализации коммуникативного намерения. Тексты операционального SMS-дискурса не только не предполагают творческую установку, но в отдельных случаях несоблюдение строго регламентированного кода может стать причиной коммуникативной неудачи. Речь идет о тех ситуациях, когда взаимодействие агента и клиента осуществляется путем отправки сообщения, содержащего определенный стандартный набор цифр или букв, например, для осуществления операций с банковским счетом ( ), приобретения рингтона, картинки или игры, получения информации о балансе (*А: 100 / В: VISA**** 09.03.16 16:45 оплата услуг 100р MTS ОАО (913*****) Баланс: 6096.88р*).

В заключении отметим, что институциональное взаимодействие в рамках коммуникационной среды SMS по-прежнему продуктивно. Межличностное неформальное общение все чаще осуществляется посредством интернет-сервисов (социальные сети, мессенджеры и проч.), и число ситуаций, в которых коммуникант осуществляет выбор в пользу SMS-канала, сокращается. Однако объем A2P-трафика не снижается, поскольку на данный момент нет адекватной альтернативы SMS-каналу, способной выполнять те же функции в полном объеме.

Список литературы:

Rossi G. Interactive written discourse: Pragmatic aspects of SMS communication // G. Garzone, P. Catenaccio, & C. Degano (Eds.), *Diachronic perspectives on genres*

in specialized communication. Conference Proceedings. - Milano: CUEM, 2010. / URL: <http://www.mpi.nl/publications/escidoc-1480930/@@popup>

Помельникова Е.А. Отражение языковых способностей молодежи в субкультуре мобильной коммуникации // Вестник Самарской гуманитарной академии : Серия Психология / Ред. А.Л. Шестаков. – 2009. – № 1(9) 2011. – с.136-142.

Савельев Е.А. Русскоязычные SMS-тексты в социолингвистическом аспекте : Автореф. дисс....канд. филол. наук: 10.02.19 / Евгений Александрович Савельев. – Нижний Новгород, 2011. – 18 с.

Хейлик Т.А. СМС как новая форма речевой коммуникации / Т.А. Хейлик // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – 2009. – № 11. – Вип. 15, т. 2. // http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2009_15_2/article/25.pdf (дата обращения: 02.02.2014).

Кушакова Н.О. Персональный дискурс SMS-опосредованной коммуникации: социолингвистический анализ // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». № 5 (132) – Омск, 2014. – С. 104-107.

Ling R. The Socio-linguistics of SMS: An analysis of SMS. Use by a Random Sample of Norwegians. Telenor R&D. – 2004. – 9 pp.

Российский рынок SMS-рассылок : Информационный бюллетень компании J'son & Partners Consulting. Февраль 2014 / URL: http://www.json.ru/files/reports/2014-02-14_SMS-market_MW-RU.pdf

Мобильные мессенджеры каннибализируют SMS? : Информационный бюллетень компании J'son & Partners Consulting. Июнь 2013 / URL: http://www.json.ru/poleznye_materialy/free_market_watches/analytics/mobilnye_messendzhery_kannibaliziruyut_sms

Карасик В.П. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. – Омск, 2011. – № 4. – С. 227–232.

Бондаренко С.В. Субкультура мобильных трудовых взаимодействий // Философия хозяйствования. 2006. Спец. вып. Ноябрь. С. 219-224.

Нещименко Г.П. Заимствования и их роль в этнической коммуникации: проблемы, споры // Jazykovedný časopis, 54, 2003, No. 1–2, s. 13–30.

Thurlow C., Poff M. Text Messaging // Handbook of the Pragmatics of CMC. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. – 2013. – pp. 163-190.

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Челябинск, 2005. – 266 с.

Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.

Лутовинова О.В. Спам как одна из разновидностей жанра электронного письма / О.В. Лутовинова // Вестник Тамбовского университета: Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – № 1 (57). – С. 189–194.

Примечания:

1. Здесь и далее перевод мой – Н.К.
2. Применительно к SMS-дискурсу справедливо замечание В.И. Карасика: «вряд ли существуют чистые статусные и личностные виды общения. Вместе с тем практика общения свидетельствует о коммуникативной доминанте <...> Вероятно, более точным будет понимание коммуникативной дистанции как определенной шкалы между предельно лично-ориентированным и предельно статусно-ориентированным общением» (Карасик, 2002: 291). Так, криминальные практики (SMS-мошенничество и SMS-буллинг) находятся на пересечении бытового взаимодействия и институционального. Мимикрируя под личную переписку или уведомления от банков, они преследуют цели вымогания средств обманным путем или воздействия на адресата с целью изменения его социальной, политической или другой позиции.
3. Первоначально разработчики сервиса не рассчитывали, что он будет использоваться для личного общения, служба SMS создавалась для оповещения абонентов о голосовых сообщениях, а также могла быть использована для распространения информации о погоде, биржевых новостей и т.д.
4. Больше примеров в официальном твиттере акции <https://twitter.com/SMSnaMKS>.
5. См. например, http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/1929944.stm, http://detionline.com/assets/files/journal/10/worldres_10.pdf.
6. См. например, http://www.bullying.co.uk/children/mobile_phone.htm, <http://nobullying.com/bullying-texts/>, <http://www.bullyingstatistics.org/content/text-bullying.html> и пр.
7. См. например, <https://www.zaks.ru/new/archive/view/123499>, http://old.ua-today.com/modules/myarticles/article_storyid_61677.html, http://most.ks.ua/news/url/uchastnikov_aksij_protesta_zapugivajut_cherez_sms, <http://uapress.info/ru/news/show/87494>.
8. Некоторые примеры SMS-мошенничества представлены <http://omsk.tele2.ru/help/mobilnoe-moshennichestvo/rasprostranennye-vidy-moshennichestva>.
9. Например, <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1136772>.
10. Подробнее см. <http://www.1tv.ru/news/about/242298>

Наталья Олеговна Кушакова – аспирант кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск).